

ИНТЕРНИРОВАНИЕ И ДЕПОРТАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ НЕМЦЕВ ИЗ СТРАН ЕВРОПЫ В СССР

Трудовой баланс победителей и «репарации трудом»

Известно, что помимо миллионов немецких военнопленных на территории СССР трудились также гражданские лица немецкой национальности как из самого Третьего Рейха, так и с территорий, никогда в него не входивших. В их реальном статусе и трудоустройстве прослеживается более чем достаточно общих черт с военнопленными, но есть и особенности. Разумеется, особенными являются мотивация и «предыстория» использования труда немецких гражданских лиц в СССР.

Вопрос о так называемых «интернированных» (или, нередко и в том же значении, — «мобилизованных и интернированных»), то есть вопрос о депортации и использовании труда немецких гражданских лиц в СССР в последние месяцы войны и в первые послевоенные годы, имеет свою предысторию и библиографию.

На Западе, в частности в Германии, ему посвящена довольно обширная литература. Затронутый депортациями контингент рассматривается в ней как составная часть почти что 14 млн. немцев, изгнанных из мест их довоенного проживания и размещенных в пределах союзнических оккупационных зон в Германии. Первые фундаментальные публикации на эту тему увидели свет еще в конце 1950 — начале 1960-х гг.; они базировались главным образом на статистических выкладках и свидетельствах очевидцев¹. Ряд публикаций первой половины 1980-х гг. привнесли сравнительно мало нового как в документацию, так и в интерпретацию этих событий².

И только во второй половине 1980-х и в 1990-х гг. появились работы, ориентированные, наряду с мемуарными, и на архивные источники³. Среди них особо выделяется капитальный трехтомник «Депортация трансильванских саксонцев в Советский Союз в 1945–1949 гг.», подготовленный группой историков из Мюнстера во главе с Г. Вебе-

¹ Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa./ Bearb. von T. Schieder. Bd. 1–5. Wolfenbüttel, 1953–1961; Die Deutschen Vertreibungsverluste. Bevölkerungsbilanzen für die deutschen Vertreibungsgebiete 1939/50. Wiesbaden, 1958; Rhode G. Phasen und Formen der Massenwangswanderungen in Europa. // Die Vertriebenen in Westdeutschland. Bd. 1. Kiel, 1959.

² См.: Ahrens W. Verbrechen an Deutschen. Dokumente der Vertreibung. Rosenheim, 1983; Mitzka H. Zur Geschichte der Massendeportationen von Ost- und Südostdeutschen in die Sowjetunion im Jahre 1945. Ein historisch-politische Beitrag. Einhausen, 1985.

³ Vertreibung und Vertreibungsverbrechen 1945–1978. Bericht des Bundesarchivs vom 28.05.1974. Archivalien und ausgewählte Erlebnisberichte. Bonn, 1989.

ром⁴. Поскольку вопрос о немецких интернированных неотрывно связан с вопросом о немецких военнопленных, постольку он неизменно затрагивается и в работах, посвященных военнопленным, например, в известной монографии С. Карнера «В Архипелаге ГУПВИ»⁵.

В СССР, как и в других социалистических странах Восточной Европы, тема депортации немецких гражданских рабочих, а равно и доступ к соответствующим архивам были табуизированы чуть ли не на полвека, до середины 1990-х гг. И хотя первые, сквозь зубы, официальные упоминания этой темы в Румынии, например, прозвучали из уст Н. Чаушеску еще в 1966 и 1971 гг., до попыток ее научного осмысления было еще далеко. Только в 1994–1995 гг. появились первые публикации, базирующиеся на материалах Государственного архива Румынии в Бухаресте: прежде всего документальная работа Х. Байер «Депортация этнических немцев из Румынии в Советский Союз в 1945 году» и др.⁶

Примерно тогда же, в середине 1990-х гг., первые публикации на эту тему увидели свет и в России. В 1994 году вышли статьи В. Б. Конасова и А. В. Терещука, П. Н. Книшевского, М. И. Семиряги⁷, а в 1995 году — брошюра И. И. Чухина «Интернированная юность», детально реконструирующая историю лагеря № 517 для интернированных немцев на станции Падоозеро под Петрозаводском⁸. Начиная с 1995 года с докладами и сообщениями об интернированных и мобилизованных немцах неоднократно выступал и пишущий эти строки: его первые публикации увидели свет в 1997–1998 гг.⁹ Со време-

⁴ Weber G., Weber-Schlechter R., Nassehi A., Sill O., Kneer G. Die Deportation von Siebenbürger Sachsen in die Sowjetunion 1945-1949. Köln — Weimar: Böhlau Verlag, 1996. Bd. 1–3. (2452 S.).

⁵ Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956 // Kriegsfolgen-Forschung. — Wien; München: R. Oldenbourg Verlag, 1995 Bd.1. 269 s.

⁶ Baier H. Deportarea etnicilor germani din Romania in Uniunea Sovietică. Smbiu, 1994 (на рум. яз.). См. также: Zach K., Zach C. Die Deportation Deutscher aus Romänien in die Sowjetunion 1945 // Südostdeutsche Vierteljahresblätter. — München, 1995 (44. Jg). S. 5–17. В то же время документы Совета Министров Румынии оставались и остаются недоступными для исследователей и до сих пор, что, как пишет Г. Кляйн (см. ниже), подпитывало устойчивые слухи и догадки, циркулировавшие преимущественно в немецкой среде, о «принесении в жертву» румынами немецкого меньшинства ради спасения от депортации самих румын.

⁷ «Будут немедленно преданы суду военного трибунала...» / Вводная статья и комм. В. Б. Конасова и А. В. Терещука // Русское прошлое. 1994. № 5. С. 318–337 (далее: Конасов, Терещук, 1994); Книшевский П. Н. Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов. // Вопросы истории. 1994, № 2, с. 53–65 (далее: Книшевский, 1994); Семиряга М. Приказы, о которых мы не знали. Сталин хотел вывезти из Германии в СССР всех трудоспособных немцев // Новое время, 1994, № 15, с. 56–57.

⁸ Чухин И. И. Интернированная юность. История 517-го лагеря интернированных немцев НКВД СССР. Москва-Петрозаводск: Мемориал, 1995, 64 с.

⁹ См., в частности: Полян П. М. Международная встреча исследователей гитлеровского и сталинского террора [Отчет о конференции в Мюльхайме-на-Руре, март 1995 г.] // Изв. РАН. Сер. геогр. 1996, № 1, с. 152–153; Полян П. М. «Репарации трудом»: мотивы и предыстория послевоенного трудиспользования «интернированных и мобилизованных» — немецких гражданских лиц в СССР // Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г., г. Вологда. — Часть 2. — Вологда, 1997. С. 59–67; Полян П. М. География принудительных миграций в СССР. Автореферат на соискание ученой степени доктора географических наук. — М.: Институт географии РАН, 1998. С. 29–32.

нем появились и немецкие публикации, ориентированные на российские источники, в частности статья Г. Кляйна¹⁰.

Сам по себе вопрос об интернированных многоаспектен. Свой мрачный свет отбрасывают на него и **военная целесообразность** (пресекование в зародыше опасности вооруженного сопротивления граждан на оккупированной Красной Армией территории), и **политика** («репарации трудом» как своего рода торжество справедливости и «месть» за угон в Германию остарбайтеров), и **право** (проблема статуса интернированных, правомочность их принудительного труда), но все же, в первую очередь, — **экономика** (истощение в ходе войны ресурсов, в том числе и трудовых, необходимость преодоления разрухи и проч.).

С точки зрения международного права, **интернирование** как особый (и непременно щадящий) режим ограничения свободы гражданских лиц не противоречил Гаагским конвенциям 1907 года и другим соглашениям. Воюющими сторонами он распространялся на гражданских лиц страны-противника, а нейтральными — на военнослужащих воюющих сторон, оказавшихся на его территории. В проекте 1929 года собственного «Положения о военнопленных» СССР рассматривал граждан страны-противника, взявших в руки оружие (к тому же независимо от того, организовались они в отряды или нет), в качестве военнопленных, что противоречило Гаагской и Женевской конвенциям (к которым СССР не присоединился)¹¹.

К анализу экономического аспекта «операции по мобилизации и интернированию» приступил П. Н. Кнышевский. Исключительная полнота власти, сосредоточенной в годы войны в Государственном Комитете Оборона (ГКО), распространялась не только на чисто военную и политическую сферу, но и на сугубо экономическую, причем в равной степени на экономику войны и тыла. За 1626 дней существования ГКО — с 30 июня 1941 по 3 сентября 1945 года — им было принято 9971 постановление и распоряжение (или в среднем до 6 важных решений в день!)¹².

Естественный прирост населения в 1945 году составлял немногим менее 640 тыс. чел. В 1946 году он увеличился более чем втрое, отрицательную динамику населения из регионов имела одна только Литва¹³.

¹⁰ Klein G. Im Lichte sowjetischer Quellen. Die Deportation Deutscher aus Rumänien zur Zwangsarbeit in die UdSSR 1945 // Südostdeutsche Vierteljahresblätter. — München, 1998 (47. Jg). Nr. 2. S. 153–162. Работа Г. Кляйна ценна не столько републикацией нескольких уже достаточно хорошо известных историкам документов, сколько введением в оборот серии персональных документов, касающихся индивидуальной судьбы, в частности, судьбы членов его семьи (ниже, с их любезного разрешения, мы будем неоднократно обращаться к их воспоминаниям, предоставленным нам Г. Кляйном).

¹¹ См. *Конасов, Терещук*, 1994, с. 318, со ссылкой на: *АВП, ф. 054, л. 293, оп. 6160, л. 33*.

¹² Большинство из них подписывалось Сталиным как председателем ГКО, но некоторые и его заместителями (Молотовым, а позднее и Берией). Кроме них в состав ГКО входили также К. Е. Ворошилов и Г. М. Маленков, позднее (с февраля 1942 года) членами ГКО стали также Л. М. Каганович, А. М. Микоян, Н. А. Булганин и Н. А. Вознесенский.

¹³ *ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 169, л. 219–223*.

Совокупность советских законов о труде сформировалась еще до войны¹⁴ и являла собой, по определению П. Н. Кнышевского, *«законченную систему казарменной экономики с механизмом тотальной мобилизации»*. Лишь за полгода с 26 июня 1940 года за самовольный уход с предприятий и учреждений, прогулы и опоздания на работу было осуждено более 2,09 млн. человек, из них свыше 1,7 млн. отбывали 6-месячный исправительно-трудовой срок... на своем рабочем месте. *«С начала 1941 года показатели карательной практики упали, поскольку меры принуждения возымели действие и система прижилась, так что и в военное время не потребовалось никаких радикальных изменений, за исключением отдельных дополнений к существующим узаконениям»*¹⁵.

Однако стремительное наступление вермахта потребовало экстренных мер по эвакуации предприятий и их персонала, а также по их водворению на новом месте, что нередко было сопряжено с такими явлениями, как, например, силовое перераспределение жилой площади и выселение части местного населения в другие районы¹⁶.

Составной частью трудовой мобилизации¹⁷ стал военный, через военкоматы, призыв — как бы на альтернативную трудовую службу не годных к строевой запасников (даже туберкулезных!), а также части призывников (как правило, не внушавших доверия «националов» — корейцев, болгар, греков, турок и т. д.). *«Призыв на альтернативно-производственную службу, — отмечает П. Н. Кнышевский, — оказался более результативным, чем трудовая мобилизация населения гражданскими органами, и действовал не только до конца войны, но и в первые послевоенные годы...»*¹⁸. Серьезным источником дисциплинированных трудовых ресурсов была и так называемая целевая демобилизация, закреплявшая за предприятиями ведущих наркоматов увольняемых в запас военнослужащих. Важными трудовыми отрядами были также некоторые виды специальных войск¹⁹. Значительным трудовым потенциалом, как известно, располагала и система ГУЛАГа.

Тем не менее к концу войны советские трудовые ресурсы были на грани исчерпания, и употребление вражеской рабочей силы казалось делом как бы насущным, напра-

¹⁴ См. Указы Президиума Верховного Совета СССР (ПВС): от 26.06.1940 — «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», от 17.07.1940 — «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-тракторных станциях», от 2.10.1940 — «О государственных трудовых резервах СССР», от 19.10.1940 — «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие». В военное время к ним добавились Указ ПВС от 26.06.1941 «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» (с установлением от 1 до 3 сверхурочных часов в день) и Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29.06.1941 «Все для фронта, все для победы». Постановление ГКО № 903сс от 17.11.1941 предоставляло НКВД право применять к «нарушителям порядка управления СССР» любые санкции, вплоть до расстрела.

¹⁵ Кнышевский, 1994, с. 54.

¹⁶ Примеры см. в: Кнышевский, 1994, с. 57–58.

¹⁷ Очевидно, что применение термина «мобилизация» к немецким гражданам третьих стран имеет ту же самую смысловую нагрузку.

¹⁸ Кнышевский, 1994, с. 58. Крупнейшими потребителями такой рабсилы были транспортники, строители, металлурги.

¹⁹ Например, для демонтажа, вывоза и сопровождения промышленного оборудования по заданиям созданного Постановлением № 7590сс от 25.02.1945 Особого комитета при ГКО и т. п.

шивающимся и естественным. Тем более что и поверженный противник в свое время ни малейших колебаний и прочих сентиментальных чувств не проявил.

Вопрос об использовании немецкого труда был озвучен задолго до окончания боевых действий.

31 августа 1943 года Вильям Малкин в докладной записке о будущих видах репараций рассматривал немецкую рабочую силу как один из самых перспективных ее видов²⁰. Тем не менее преобладающим относительно репараций мнением англо-американской стороны признавался тезис о допустимости репараций, но, скорее, не в денежной форме, а в виде *реституции* (то есть возвращение вывезенного и награбленного плюс эквивалентное за это вознаграждение). От «репараций трудом» они достаточно решительно отмежевались.

Интересно, что из 16 членов ООН, представивших что-то вроде заявок на репарацию, претензии на германскую квалифицированную рабочую силу для работ по реконструкции хозяйства заявила одна Польша. Следует отметить и то, что в то время под «репарациями трудом» подразумевалась еще не только отправка немецких рабочих или военнопленных в страны-победительницы, но и принуждение их бесплатно работать на предприятиях своей страны по заданиям стран-победительниц.²¹

Первое из обнаруженных нами советских упоминаний содержится в записке М. М. Литвинова (бывшего наркома, а в то время заместителя наркома иностранных дел) «Обращение с Германией и другими вражескими странами в Европе», составленной 9 октября 1943 года (очевидно, в порядке подготовки к октябрьской встрече министров иностранных дел союзных держав в Москве и к ноябрьскому саммиту Сталина, Черчилля и Рузвельта в Тегеране).

Однако главным теоретиком советского видения послевоенного мира и, в частности, вопроса о репарациях был академик Иван Михайлович Майский, посол СССР в Лондоне и заместитель Молотова по НКВД. Еще в начале ноября 1943 года ему было поручено сформировать комиссию для изучения вопросов о репарациях и разработать план ее деятельности. План был представлен уже 10 ноября, а через пару недель была утверждена и сама Комиссия при НКВД по возмещению ущерба, нанесенного СССР гитлеровской Германией и ее союзниками²². Естественно, она действовала во взаимодействии с образованной в ноябре 1942 года «Чрезвычайной государственной комиссией по

²⁰ См.: Weber U. A. 1995, bd. 1, s. 77.

²¹ СССР и германский вопрос. 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г. М., 1996, (далее: СССР и германский вопрос), с. 286–305, со ссылкой на: АВП (Архив Внешней политики РФ), ф. 12, оп. 9, п. 132, д. 4, л. 178–209).

²² См.: Кынин Г. П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании. 1944–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 117, со ссылкой на: АВП, ф. 06, оп. 6, п. 20, д. 166, л. 2–6. В состав Комиссии, помимо представителей НКВД — И. М. Майского (председатель) и Г. П. Аркадьева (секретарь), вошли также от Академии наук — Е. С. Варга, от Наркомата Внешней торговли — К. П. Бабарин, а от Госплана — В. В. Кузнецов, в январе 1944 г. «усиленный» М. З. Сабуровым и Н. М. Силуяновым. Первое заседание Комиссии состоялось 24.11.1943.

установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного им ущерба».

Майский исходил из того, что физическое участие гражданских немцев в восстановлении разрушенного их армиями хозяйства и допустимо, и справедливо, и желательно. При этом он апеллировал к передовому опыту самих немцев, с таким успехом угнавших к себе на работу десятки миллионов чужих мирных жителей. Однако применять эту меру следовало бы лишь в том случае, если бы Германия оказалась бы не в состоянии оплатить свои репарационные обязательства в иной форме.

Комиссия Майского работала активно, и уже 11 января 1944 года Майский направил Молотову записку «О желательных основах будущего мира», где, в частности, предлагалось «...взимание с Германии репараций, и в частности репараций трудом, в течение длительного срока (не менее 10 лет). Данный вопрос имеет две стороны: с одной стороны, репарации должны служить целям скорейшего восстановления ущерба, нанесенного Германией СССР и другим странам, с другой стороны, репарации, в частности, репарации трудом, т. е. изъятие из германского народного хозяйства нескольких миллионов рабочих единиц ежегодно, неизбежно должны ослабляющим образом действовать на ее экономику и на ее военный потенциал».²³

3 марта 1944 года Майский уже отчитался за 3-месячный срок деятельности Комиссии. Под его руководством собственная репарационная программа СССР была выработана уже к августу 1944 года. В датированном 27 июля и представленном Сталину, Молотову и еще десятку адресатов 28 июля документе, озаглавленном «Репарации. Записка № 1», Майский оценивал «германский труд» как куда более серьезный источник репарационных платежей, чем натуральные поставки: «При условии, что среднее годовое число трудообязанных составит около 5 млн. чел., общая сумма репараций на протяжении 10 лет по этой рубрике может достигнуть примерно 35–40 миллиардов долларов»²⁴. Отметим, что суммарный объем репараций за этот срок оценивался комиссией Майского в 70–75 млрд. долларов, таким образом на «репарации трудом» приходилось не менее их половины!

9 октября 1944 года, очевидно в связи с подготовкой визита в Москву Черчилля и Идена, Майский направил Молотову пространную записку, озаглавленную «Позиция США и Англии в репарационном вопросе и наши возможные контраргументы». В ней он, в частности, писал: «Репарационные платежи в форме использования германского труда допускаются, хотя вопрос этот вызывает внутри США и Англии большую полемику»²⁵. Единодушно признается, однако, что данная форма репараций мыслима только для СССР, но не для капиталистических стран»²⁶.

²³ «Чтобы ни одной державе или комбинации держав не приходила мысль об агрессии против СССР» // Источник. 1995. № 4. С. 127.

²⁴ СССР и германский вопрос, с. 506–516, со ссылкой на: *АВП, ф. 06, оп. 6, п. 16, д. 164, л. 1–69*.

²⁵ В частности, в мае 1944 г. в Госдепартаменте США находили вполне приемлемым использовать германскую рабочую силу в течение 3–4 лет (*Кынин, 1995, с. 119, со ссылкой на: АВП, ф. 012, оп. 5, п. 56, д. 42, л. 5–29*).

²⁶ СССР и германский вопрос, с. 555–559, со ссылкой на: *АВП, ф. 06, оп. 6, п. 16, д. 165, л. 1–11*. При этом на возможные возражения союзников Майский предлагал отвечать им в том духе, что

(Как бы в скобках заметим, что в подписанных 12 и 15 сентября 1944 года в Москве соглашениях о перемирии США, СССР и Англии с Румынией и Финляндией вопрос о репарациях затрагивается, но никоим образом не вопрос о «репарациях трудом».)

В конце января 1945 года, когда советское правительство интенсивно готовилось к Крымской конференции трех союзных держав, Майский написал для Молотова записку с приложением проекта «Формулы по репарациям с Германии». Эта «Формула...» предусматривала в самом общем виде «...использование германского труда в пострадавших от германской агрессии странах в целях залечивания нанесенных им германской агрессией экономических ран», а конкретнее — все то же обязательство Германии «...в течение 10 лет после окончания войны предоставлять ежегодно странам — получателям репараций такое количество рабочей силы (включая высококвалифицированные технические кадры), какое они сочтут желательным получить в целях возрождения своего хозяйства... Точные цифры, относящиеся к количеству и квалификации потребной рабочей силы, будут установлены позднее». При этом СССР, по мнению Майского, причиталось бы гарантированное получение в среднем за год не менее «5 млн. немецких рабочих различных квалификаций (включая высококвалифицированные технические кадры) в течение 10 лет после окончания войны»²⁷.

Конференция состоялась, как известно, с 4 по 11 февраля 1945 года в Ялте, и вопрос о «германском труде» поднимался на ней советской стороной, причем с завидной настойчивостью.

Правда, в программном выступлении советской стороны по вопросу о репарациях, сделанном И. М. Майским на заседании глав правительств 5 февраля, этот тезис отсутствовал. Но в письменных предложениях «Основные принципы взимания репараций с Германии», представленных советской стороной и врученных Молотовым Идену и Стеттиниусу 7 февраля, читаем: «<...> 2. Оставляя пока в стороне репарационное использование германской рабочей силы, вопрос о чем будет обсужден позднее...»²⁸. Той же самой формулировкой в обращении к Молотову воспользовался 9 февраля 1945 г. и американский госсекретарь Стеттиниус²⁹. А английское обращение, врученное Иденом Молотову 10 февраля, выглядит так, как будто советское предложение по существу принимается и развивается: «в) Использование германского труда и перевозок на грузовиках»³⁰.

массовая депортация немецкой рабочей силы в СССР только «ослабит опасность массовой безработицы в Германии».

²⁷ СССР и германский вопрос, с. 601–605, со ссылкой на: АВП, ф. 07, оп. 10, п. 16, д. 212, л. 7–14).

²⁸ Советский Союз на Международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том IV: Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 4–11 февраля 1945 г. Сборник документов. — М., Политиздат, 1984, с. 106.

²⁹ Там же, с. 156.

³⁰ Там же, с. 184.

В отдельном «Протоколе о переговорах между главами трех правительств на Крымской конференции по вопросу о репарациях натурой с Германии», посланном Молотовым Идену и Стеттиниусу в тот же день (10 февраля) с предложением главам правительств подписать его на конференции, было записано: «<...> 2. *Репарации должны взиматься с Германии в трех формах: а) одновременные изъятия в течение двух лет по капитуляции Германии или прекращении организованного сопротивления из национального богатства Германии, находящегося как на территории самой Германии, так и вне ее <...>, причем эти изъятия должны быть проведены главным образом с целью уничтожения военного потенциала Германии; б) ежегодные товарные поставки из текущей продукции после окончания войны в течение периода, длительность которого должна быть установлена; в) использование германского труда*»³¹. Вместе с тем в английском и американском проектах изложения итогов конференции этот пункт был дан в вышеуказанной сослагательной редакции³², а в итоговом протоколе — снова опущен³³. Тем не менее в упомянутом «Протоколе...» и в «Протоколе работы Крымской конференции» формулировка «использование германского труда» была сохранена³⁴.

Что же, собственно, подразумевалось советской стороной под «использованием германского труда»? Думается, что то же самое, что и немецкой — под «Arbeitseinsatz im Dritten Reich», то есть депортация части немецкого гражданского населения (как «рейхсдойче», так и «фольксдойче») в СССР для последующего трудоустройства (о военнопленных и говорить нечего). Если бы имелось в виду что-либо иное, скажем, работа тех же немцев в Германии с последующей конфискацией части произведенного ими продукта или стоимости в пользу государства-победителя, то чем бы тогда пункт «в» отличался от пункта «б»?

О том же подходе говорят и материалы Берлинской (Потсдамской) конференции. Вот какой совет дал генералиссимус Сталин премьер-министру Черчиллю 25 июля 1945 года в ходе девятого заседания глав правительств:

«Черчилль. <...> У нас в Англии в этом году будет самая безугольная зима, потому что у нас не хватает угля.

Сталин. Почему? Англия всегда вывозила уголь.

Черчилль. Вследствие того, что угольщики еще не демобилизованы, у нас нехватка рабочей силы в угольной промышленности.

Сталин. Достаточно имеется пленных. У нас пленные работают на угле, без них было бы очень трудно. Мы восстанавливаем наши угольные районы и используем плен-

³¹ Там же, с. 214–215. См. также: АВП, ф. 0431/IV, оп. 4, п. 5, д. 22, л. 39–40.

³² Там же, с. 226, 232–233. Имеется в виду формула: «Оставляя пока в стороне репарационное использование германской рабочей силы, вопрос о чем будет обсужден позднее...».

³³ Там же, с. 248. Опубликовано в «Известиях» 13.02.1945.

³⁴ Там же, с. 253, 259. Опубликовано в «Известиях» 17.03.1947.

ных для этой цели. 400 тысяч немецких солдат сидят у вас в Норвегии, они даже не разоружены, и неизвестно, чего они ждут. Вот вам рабочая сила»³⁵.

Черчилль, чья страна уже давно поставила свою подпись под Гаагскими соглашениями о военнопленных, дипломатично уклонился от обсуждения этого совета. Кстати, к концу лета 1945 года трансформировалась и американская позиция относительно трудоустройства немецких гражданских лиц в качестве элемента репараций: она должна быть ограничена, по мнению США, лишь осужденными военными преступниками³⁶.

Вместе с тем симптоматично, что в Потсдаме, в отличие от Ялты, вопрос об «использовании германского труда» официально уже не звучал, в том числе и из уст советских делегатов.

Но не потому ли, что СССР — еще задолго до Потсдама и даже до Ялты! — фактически уже решил для себя этот вопрос в одностороннем порядке?

Интернирование немцев в Юго-Восточной Европе

В немецкоязычной литературе распространено мнение, что в том или ином виде условие о депортации немецкого меньшинства из Румынии было оговорено в неопубликованных приложениях подписанного еще 12 сентября 1944 года в Москве договора о перемирии СССР и Румынии³⁷. Поскольку ни опровержений, ни подтверждений до сих пор не последовало, оставляем прояснение этого вопроса на недалекое, смеем надеяться, будущее.

Сегодняшней нашей точкой отсчета поэтому является сталинское указание, точная дата которого тоже пока не установлена. Однако известно, что 24 ноября 1944 года нар-

³⁵ Советский Союз на Международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том VI: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 17 июля — 2 августа 1945 г. Сборник документов. — М.: Политиздат, 1984, с. 184. Интересно, что в другой день (21 июля) и в другом контексте — когда нужно было оправдать и обосновать изгнание и депортацию немецкого населения с территорий, фактически отошедших к Польше, и закрепление на них поляков — Сталину была введена и иная аргументация: «... Я прошу г-на Черчилля обратить внимание на тот факт, что немцы сами испытывают недостаток в рабочей силе. Большая часть предприятий, которую мы застали во время своего продвижения, обслуживалась иностранными рабочими — итальянскими, болгарскими, французскими, русскими, украинскими и другими. Все это были рабочие, которые были насильственно угнаны немцами со своей родины, когда русские войска пришли в эти районы, эти иностранные рабочие стали считать, что они свободны, и уехали на свою родину. Куда же девались германские рабочие? Они оказались в большей части мобилизованными в германскую армию и либо перебиты во время войны, либо попали в плен. Создалась ситуация, при которой большая германская промышленность работала при самом незначительном количестве германских рабочих и большом количестве иностранных рабочих...» (там же, с. 116).

³⁶ См. информацию ТАСС от 30.08.1945 о пресс-конференции Пуоли, представителя США в Межсоюзной репарационной комиссии (АВП, ф. 0431/1, оп. 1, п. 7, д. 48, л. 20–22).

³⁷ Об этом, в частности, доносила немецкая разведка еще в конце июля, а 9.09.1944 правительственный офицер «Völkische Beobachter» писала о 1,4 млн. депортируемых рабочих из Румынии. См. соответствующий обзор в: Weber, 1995. Bd.1. s. 127–135. Сам Г. Вебер это мнение не разделяет.

ком внутренних дел Л. П. Берия письменно отчитался Сталину в том, что, в соответствии с его указаниями, на освобожденную войсками 2, 3 и 4-го Украинских фронтов территорию стран Восточной Европы командированы три группы оперативных работников НКВД СССР для проведения в течение 10 дней общего предварительного учета проживающих там лиц немецкой национальности³⁸. Руководство этой работой было возложено на бериевского зама А. Н. Аполлонова³⁹ и начальника Главного управления войск НКВД по охране тыла И. М. Горбатюка⁴⁰.

Цель же всей акции была достаточно прозрачной: выявление главных претендентов из гражданских лиц на трудовую мобилизацию и депортацию по указанным из Москвы адресам. Иными словами — на «репарацию трудом»!

В помощь опергруппам НКВД были приданы 106 групп контрразведчиков СМЕРШ (более 800 чел.). 5 декабря Аполлонов и Горбатюк предварительно отчитались Берии⁴¹, а 15 декабря Берия доложил Сталину и Молотову о результатах проделанного в срок учета⁴². На означенной территории было выявлено 551 049 лиц немецкой национальности, из них 240 436 мужчин и 310 613 женщин. Больше всего немецкого населения скопилось в Румынии — 421 846 чел., в том числе 70 476 трудоспособных мужчин в возрасте от 17 до 45 лет. Кроме того, на территории Югославии учтено еще 73 572, на территории Венгрии — 50 292, Чехословакии — 4250 и Болгарии — 1089 чел. Подавляющее их большинство являлось подданными соответствующих стран проживания. В Югославии и Румынии часть из них, — как правило, «рейхсдойче» (немецкие подданные, всего — 24 694 чел.), — была уже интернирована и содержалась в лагерях (в Югославии — 16 804 чел. в 22 лагерях и в Румынии — 7890 чел. в 15 лагерях). Установка на трудоустройство в этих лагерях уже тогда была отчетливой: мужчины составляли 82% в Румынии и 59% в Югославии, а лица трудоспособных возрастов — 79% в Румынии и даже 100% в Югославии!⁴³

Первоначально мобилизацию предлагалось ограничить мужчинами в возрасте от 17 до 45 лет, каковых насчитывалось в общей сложности 97 484 чел. (а за вычетом нетрудоспособных — 70 тыс. чел.). Берия испрашивал сталинского согласия на мобилизацию подлежащих интернированию немцев и их отправку в СССР для работ по восстановлению угольной промышленности Донбасса (до 50 тыс.) и черной металлургии юга (до 20 тыс. чел.).

³⁸ ГАРФ, ф. 9401, оп.2, ед. хр. 67, л. 386.

³⁹ Аполлонов Аркадий Николаевич (1907–1978) — генерал-полковник, в 1941–1948 гг. начальник Главного управления внутренних войск; замнаркома НКВД СССР по войскам; в 1948–1950 гг. — председатель Комитета по делам физической культуры и спорта при СМ СССР; в 1951 г. — зам. министра госбезопасности по войскам.

⁴⁰ Горбатюк Иван Маркович (1903–1957) — в 1944 г. — генерал-майор НКВД. Один из руководителей операций по депортации чеченцев, ингушей и карачаевцев, с 1945 г. генерал-лейтенант, начальник Главного управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии (после его расформирования 13.10.1945 назначен начальником УНКВД по Ивановской области).

⁴¹ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 227.

⁴² ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, ед. хр. 68, л. 144–147.

⁴³ См. в письме Аполлонова Берии, от 12.12.1944 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 237).

Предложение было благосклонно принято, правда, с поправками, подразумевающими использование и женского труда. Уже 16 декабря 1944 года ГКО издал Постановление № 7161сс⁴⁴. Ввиду его важности для нашей темы воспроизведем его полностью:

«Государственный Комитет Оборона постановляет:

1. Мобилизовать и интернировать с направлением для работы в СССР всех трудоспособных немцев в возрасте — мужчин от 17 до 45 лет, женщин — от 18 до 30 лет, находящихся на освобожденных Красной Армией территориях Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии.

Установить, что мобилизации подлежат немцы как немецкого и венгерского подданства, так и немцы — подданные Румынии, Югославии, Болгарии и Чехословакии.

2. Руководство мобилизацией возложить на НКВД СССР (т. Берия).

Поручить НКВД организацию сборных пунктов, прием мобилизуемых, формирование и отправку эшелонов и охрану их в пути.

Мобилизуемых направлять в СССР эшелонами по мере поступления немцев на сборные пункты.

3. Обязать т.т. Малиновского⁴⁵ и Виноградова⁴⁶ — по Румынии, т.т. Толбухина⁴⁷ и Бирюзова⁴⁸ — по Болгарии и Югославии:

а) оформить через правительственные органы соответствующих стран мобилизацию и интернирование указанных в п. 1 немцев;

б) совместно с представителями НКВД СССР — т.т. Аполлоновым и Горбатюк обеспечить проведение в жизнь соответствующими военными и гражданскими властями необходимых мероприятий, гарантирующих явку на сборные пункты мобилизуемых немцев.

⁴⁴ АПРФ (Архив Президента РФ), ф. 3, оп. 58, ед. хр. 500, л. 108–110; ЦХСД, ф. 89, оп. 75, д. 1, л. 1–3. Ср. ссылку на другое место хранения этого же документа (РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 352, л. 67) — в: Кнышевский, 1994, с. 59. Еще одна копия — вместе с подписанным Л. Берией представлением этого Постановления — хранится в так называемой «Особой папке Сталина» (ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, ед. хр. 68, л. 153–156).

⁴⁵ Малиновский Родион Яковлевич (1898–1967) — Маршал Советского Союза (1944), командующий войсками 2-го Украинского фронта. Согласно его приказу мобилизация и интернирование немцев осуществлялись на территории Венгрии и Трансильвании.

⁴⁶ Виноградов Владислав Петрович (1899–1962) — генерал-лейтенант интендантской службы. С 1944 г. — начальник Штаба СКК в Румынии, зам. председателя СКК.

⁴⁷ Толбухин Федор Иванович (1894–1949) — Маршал Советского Союза (1944). С 1943 г. — командовал Южным, 3 и 4-м Украинскими фронтами, в 1945–1947 гг. — главнокомандующий Южной группой войск.

⁴⁸ Бирюзов Сергей Семенович (1904–1964) — Маршал Советского Союза (1955). С 1943 г. — начальник Штабов Южного, 4 и 3-го (с мая 1944 г.) Украинских фронтов. С октября 1944 г. — командующий 37-й Армией и Главный военный советник при болгарской армии. В 1945–1947 г. — заместитель главкома Южной группы войск и зам. председателя СКК в Болгарии.

Обязать т.т. Малиновского и Толбухина — по Венгрии и т. Петрова⁴⁹ — по Чехословакии объявить через военных комендантов необходимые распоряжения от имени командования фронта о мобилизации немцев, в соответствии с п.1 настоящего постановления и обеспечить совместно с представителями НКВД СССР — т.т. Аполлоновым и Горбатьюк проведение необходимых мер, гарантирующих явку на сборные пункты мобилизуемых немцев.

4. Разрешить мобилизуемым немцам взять с собой теплую одежду, запас белья, постельные принадлежности, личную посуду и продовольствие, всего весом до 200 кг. на человека.

5. Поручить начальнику тыла Красной Армии т. Хрулеву⁵⁰ и начальнику УПВОСО т. Ковалеву⁵¹ обеспечить предоставление железнодорожных эшелонов и автотранспорта для перевозки мобилизованных немцев и питания их в пути.

6. Направить всех мобилизованных немцев на работы по восстановлению угольной промышленности Донбасса и черной металлургии Юга.

Из прибывающих на место работы немцев сформировать рабочие батальоны по 1000 человек в каждом.

НКО (т. Голикову)⁵² выделить на каждый батальон по 12 офицеров из числа ограниченно годных к службе в Красной Армии.

7. Организацию приема интернированных в местах работы, их размещение, питание, а также все остальное материально-бытовое обеспечение интернированных немцев и организацию их использования на работах возложить на Наркомуголь и Наркомчермет.

Обязать Наркомуголь (т. Вахрушева⁵³) и Наркомчермет (т. Тевосяна⁵⁴) подготовить помещения для приема и размещения прибывающих к ним интернированных немцев.

Поручить Наркомвнуделу, совместно с Наркомчерметом и Наркомуглем установить режим содержания интернированных немцев и условия их использования на работах.

⁴⁹ Петров Иван Ефимович (1896–1958) — генерал армии (1944), командующий 2-м Белорусским и 4-м Украинским фронтами, начальник штаба 1-го Украинского фронта.

⁵⁰ Хрулев Андрей Васильевич (1892–1962) — генерал армии (1943); в 1941–1945 гг. — зам. наркома обороны СССР, начальник Главного управления тыла Красной Армии (в 1942–1943 гг. — одновременно и нарком путей сообщения СССР).

⁵¹ Ковалев Иван Владимирович (1901–1993) — в 1944 начальник УПВОСО (Управления военных сообщений), в 1944–1948 — нарком (министр) путей сообщения СССР.

⁵² Голиков Филипп Иванович (1900–1980) — генерал-полковник (с 1961 г. — маршал), с 1943 г. — зам. наркома обороны по кадрам, начальник Главного управления кадров НКО; в 1944–1952 гг. — начальник Управления по репатриации при СНК (СМ) СССР. См.: Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. М., 1996, с. 190–191.

⁵³ Вахрушев Василий Васильевич (1902–1947) — В 1939–1946 гг. нарком угольной промышленности СССР, в 1946–1947 — министр угольной промышленности восточных районов СССР.

⁵⁴ Тевосян Иван Федорович (1902–1958) — Нарком черной металлургии СССР.

8. Обязать Госплан СССР (т. Вознесенского⁵⁵) выделить Наркомуглю и Наркомчермету с 1 квартала 1945 года дополнительное количество продовольственных и промышленных товаров на прибывающих к ним на работы интернированных немцев по нормам рабочих, установленных для соответствующих предприятий этих наркоматов.

9. Обязать Наркомздрав (т. Митерева⁵⁶) обеспечить организацию медико-санитарного обслуживания прибывающих на работу на предприятия Наркомугля и Наркомчермета интернированных немцев, а Наркомчермет и Наркомуголь предоставить Наркомздраву соответствующие помещения.

10. Мобилизацию и интернирование немцев провести в течение декабря 1944 года — января 1945 года, закончив доставку на места работ к 15 февраля 1945 года.

Председатель Государственного Комитета Обороны СТАЛИН»

22 декабря три генерала НКВД — генерал-полковник А. Н. Аполлонов, генерал-майор И. М. Горбатьк и генерал-лейтенант М. И. Сладкевич⁵⁷ — представили тов. Берия отчет о своем посещении 21–22.12.1944 г. Военсоветов 2 и 3-го Украинских фронтов⁵⁸:

«...Составлены планы проведения мобилизации немцев, которые утверждены Военными Советами. Тов.Толбухиным издан приказ, которым все командующие армиями обязываются:

а) объявить о мобилизации немцев через военных комендантов с предупреждением, что неявившиеся будут немедленно преданы суду Военного Трибунала, а семьи их — репрессированы;

б) организовать средствами армий перевозку мобилизованных немцев до сборных пунктов и станций погрузки.

Срок вывоза всех немцев из пределов фронта этим приказом установлен 3 января 1945 г.

22 декабря тов.Толбухиным дана аналогичная телеграмма маршалу Тито, в которой он просит немедленно обеспечить полностью все мероприятия по мобилизации немцев на территории Югославии⁵⁹.

⁵⁵ Вознесенский Николай Александрович (1903–1950) — академик АН СССР (1943), с 1938 г. — председатель Госплана СССР, с 1939 г. — заместитель председателя СНК (СМ) СССР, в 1942–1945 гг. — член ГКО, автор монографии «Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны» (1948). Расстрелян и посмертно реабилитирован.

⁵⁶ Митерев Георгий Андреевич (1900–1977) — в 1939–1947 — нарком (министр) здравоохранения СССР.

⁵⁷ Сладкевич Моисей Иосифович (1906–?) — генерал-лейтенант, в РККА с 1923 г., в ВКП(б) и войсках ОГПУ — с 1931 г.; в 1945 г. — зам. начальника внутренних войск НКВД.

⁵⁸ Цит. по: Конасов, Терешук, 1994, с. 323, где дается по: РГВА/ГУПВИ, ф. 1/п, оп. 13а, д. 5, л. 238–240.

⁵⁹ В соответствии с договоренностью между маршалом Сталиным и маршалом Тито, возглавлявшим Национальный Комитет Освобождения Югославии, 29.09.1944 Красная Армия пересекла болгаро-

Ответственным по мобилизации немцев в Югославии и вывозу их в СССР назначен тов. Запевалин⁶⁰ с группой работников. Такие же указания даны тов. Толбухиным генерал-полковнику Бирюзову в Софию. В помощь нашим оперативным группам тов. Толбухиным выделено 50 офицеров Красной Армии.

...Нами составлены проект постановления Румынского правительства о интернировании немцев и проект распоряжения Управления жандармерии Румынии его организациям на местах по практическому проведению интернирования.

Сегодня тов. Виноградов назначил встречу румынскому премьер-министру Радеску⁶¹, которому эти проекты будут предложены для утверждения.

Аполлонов

Горбатюк

Сладкевич».

26 декабря та же «тройка» — Аполлонов, Горбатюк и Сладкевич — передала Берии «План основных мероприятий по подготовке и проведению операции по интернированию и вывозу немцев в СССР»⁶². Согласно этому плану были организованы главный штаб в Бухаресте и 10 оперативных секторов, из них 6 — на территории Румынии (включая Трансильванию) и по 2 — в Венгрии и Югославии⁶³; территория каждого сектора делилась на районы оперативных групп. В Чехословакии и Болгарии, ввиду малочисленности там немцев, ответственность по операции возлагалась на начальников войск НКВД соответствующих фронтов по охране тыла. Операцию осуществляли соединения НКВД при поддержке войск, выделенных для этого командованием фронтов (интересно, что для действий в Венгрии был отобран и один румынский полк). Конвойные войска распределили пропорционально количеству контингента из расчета 25–30 бойцов на эшелон.

Были намечены следующие сроки: а) по Югославии и Венгрии (в границах 3-го Украинского фронта) — с 28 декабря 1944 по 5 января 1945 года; б) по Венгрии (в границах 2-го Украинского фронта) — с 1 по 10 января 1945 года; в) по Румынии и Тран-

югославскую границу, но находилась на территории Югославии лишь временно — до конца 1944 г., когда она по-существу выполнила свои оперативные задачи. Таким образом, вся операция по интернированию, мобилизации и депортации немцев из Югославии (вплоть до сборно-приемных пунктов для интернированных) осуществлялась силами местной югославской администрации, действовавшей по существу «на правах» одного из фронтов Красной Армии.

⁶⁰ Запевалин — данными не располагаем.

⁶¹ Радеску, Николау — корпусной генерал, начальник Генерального штаба румынской армии. С 2.12.1944 (после отставки правительства Санатеску) по 28.02.1945 — премьер-министр и министр внутренних дел Румынии. Впоследствии эмигрировал в США.

⁶² РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 13а, д. 5, л. 242–247. Интернированию подлежали мужчины годов рождения с 1899 по 1927 и женщины годов рождения с 1914 по 1926. См. также указания Командира корпуса жандармов Румынии местным органам жандармерии на местах об интернировании немцев (РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 13а, д. 5, л. 299–301).

⁶³ Приводим их официальные номера и обозначения: 1) Тимиш; 2) Муреш; 3) Олт и Бутеч; 4) Маре и Нижний Дунай; 5) Прут; 6) Сомеш; 7) Пелт-Пилиш, Шолт-Кишкун и Чонград; 8) Ась-Надькун-Сольнок, Бекеш, Хевеш, Хойду, Бихор, Сату-Маре; 9) Белград и 10) Самбор. См.: РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 13а, д. 5, л. 356.

ильвании — с 10 января по 1 февраля 1945 года⁶⁴; г) по Чехословакии — с 27 декабря 1944 по 1 января 1945 года. В эти сроки интернированных должны были собрать на сборных пунктах, доставить на станции погрузки и, погрузив в эшелоны, отправить по назначению.

Западные исследователи единодушны в том, что приуроченность начала всей операции к рождественским каникулам не была случайностью: в дни традиционно-семейного праздника можно наверняка «накрыть» гораздо больше людей⁶⁵. Заметим, что такого рода тенденция прослеживалась и при депортациях «наказанных народов» внутри самого СССР. Но в целом представляется, что все же не этот нюанс был решающим при определении графика всей операции, выстроенного с таким расчетом, чтобы строго лимитированное число внутренних войск использовалось бы в ее ходе по несколько раз.

Технология интернирования от страны к стране практически не отличалась: единственной «привилегией», сделанной для Румынии, была та, что объявление немцам об интернировании делалось не советским комендантом, а местным жандармским офицером. У того или у другого на руках уже имелись списки, заранее составленные органами местной власти и полиции и согласованные с местной коммунистической партией(!). В селах (предварительно оцепленных смешанными нарядами) немецкое население созывалось в местный орган власти, где им объявляли о мобилизации и сообщали перечень вещей и предметов обихода, полагающихся иметь при себе (весом не более 200 кг на каждого)⁶⁶. После этого их отпускали для сборов по домам и затем направляли на сборный пункт. Конвоирование туда осуществлялось местными органами внутренних дел под контролем советских оперработников, но сами сборные пункты уже целиком и полностью «обслуживались» советской стороной. К ним были подвезены запасы теплой одежды и обуви, а также 15-дневный запас продовольствия по форме № 4. Здесь проводилась проверка прибывших по спискам для определения действительной трудоспособности; нетрудоспособные (а также больные, беременные, имеющие детей до 1–1,5 лет, принадлежащие к другой национальности, священники или монахи) отсеивались и возвращались по месту жительства, а на трудоспособных составлялись именные эшелонные списки⁶⁷ (впрочем, если на станции под погрузкой уже стоял эшелон, то никакой перепроверки могло и не быть). Всего, согласно расчетам, требовалось сформировать и отправить 103 эшелона, или 5677 вагонов; станциями перегрузки на широкую колею объявлялись Галац, Аджуд-Ноу, Сокола и Фокшаны. На немцев, уклонившихся от явки, составлялись именные списки, передаваемые местной жандармерии для розыска, ареста и предания румынскому, венгерскому и т. д. военно-полевому суду.

Каких-то особенных эксцессов по ходу осуществления «операции» не было. Не обошлось без побегов, но только единицам удавалось скрыться (в частности, перед по-

⁶⁴ Сами румыны ориентировались даже на еще более сжатые сроки (с 10 по 20.01.1945), скорее всего, оказавшиеся просто нереальными ((РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 299).

⁶⁵ См., например: Weber U. A., 1995, bd. 1, s. 75–76.

⁶⁶ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 207–211 и 304.

⁶⁷ Охрана эшелонов осуществлялась конвойными войсками в сопровождении медработников.

грузкой в эшелоны, нередко — за взятку румынским жандармам). Впрочем, в Румынии были и случаи вооруженного сопротивления со стороны румынских военнослужащих: 21 января в г. Фегереш (при этом был ранен лейтенант госбезопасности Астафьев) и 28 января в с. Гырбово (обстрел сборного пункта)⁶⁸. В Венгрии зафиксирован случай тяжелого отравления (попытка самоубийства).

Гораздо более серьезный урон «успеху» операции в целом наносило несоблюдение (часто намеренное) румынской стороной конспиративности информации (так называемая «огласка»), что позволило некоторым из немцев срочно переменить «национальность» или «место жительства» и таким образом избежать своей участи. «Дезорганизацию» (на советский вкус) вносили и многочисленные ходатайства об освобождении от мобилизации на основании гражданского состояния женщин-немок в браке с румынами или представителями других национальностей (в отчетах советских офицеров с ехидством сообщается о «браках», заключавшихся прямо на сборных пунктах). Кроме того, инспекторат полиции г. Галаца, например, распорядился освобождать от мобилизации, по ходатайству фабрик, немцев-специалистов, если они проживали в Румынии до 1916 года и имели родственников среди румын⁶⁹.

Были, правда, и официальные жалобы: например, со стороны венгерского правительства — на «грубые перегибы» в осуществлении операции. 5 января Кузнецов, Осокин и Зусманович встречались по этому поводу с премьер-министром Миклоши и двумя венгерскими министрами. Результатом встречи стало освобождение из сборных пунктов 10 венгров и снятие с должности главного жалобщика — губернатора Дьюлского округа Чиге Варги-Антала⁷⁰.

6 января 1945 года Виноградов (по всей видимости, в присутствии вышеуказанной «тройки») принял премьер-министра Радеску и его министров иностранных дел и по делам перемирия. Апеллируя к реакции общественного мнения на грядущие мобилизацию и интернирование, они попросили, во-первых, об официальном обращении к правительству Румынии со стороны Союзной Контрольной Комиссии по Румынии и, во-вторых, об освобождении от мобилизации женщин, имеющих детей (соответствующий недобор предлагалось компенсировать поднятием верхней возрастной планки для женщин с 30 до 35 лет). Виноградов, было, «согласился» с последним предложением, ограничив, однако, и возраст — не старше одного года! — принимаемых в расчет детей, но в конце концов 30-летний рубеж был сохранен. В тот же день в ноте № 031 СССР от имени Союзной Комиссии потребовал от Румынии мобилизовать на трудоустройство всех находящихся в Румынии трудоспособных граждан-немцев независимо от подданства. Им предоставлялось право взять с собой личные вещи и продукты на 15 дней, а также право получать и отправлять письма и посылки; уклонение и укрывательство от мобилизации подлежали строгому наказанию⁷¹.

⁶⁸ См. отчет по оперсектору № 2 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 69–70).

⁶⁹ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 40.

⁷⁰ Из отчета Кузнецова и Осокина Аполлонову от 5.01.1945. Впервые в: *Конасов, Терещук*, 1994, с. 325–326, со ссылкой на: РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 251–252 (правильно: л. 253–254).

⁷¹ См.: *Конасов, Терещук*, 1994, с. 324, со ссылкой на: РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 308.

На деле, однако, случались «отклонения» от предписаний. Так, по воспоминаниям Э. Кляйн (урожденной Вебер) из деревни Ходонь, объявленный им приказ распространялся на женщин в возрасте до 31 года. Возрастная планка при этом отклонялась как вверх, так и вниз. Одна 16-летняя девушка из ее деревни была депортирована только потому, что ее отец, значившийся в списках, отсутствовал.

Перед отправкой разыгрывались душераздирающие сцены. На сборных пунктах мужчин и женщин по несколько дней держали вместе, в одном зале: *«Когда, под конвоем вооруженных солдат, мы шли на вокзал, зазвенели колокола католического храма. Мне этот звон показался как бы поминальным звоном. И в самом деле для многих это был последний перезвон, который они слышали в своей жизни»*⁷². Позднее были выявлены и отдельные «кошибки» конвоиров: так, некоего Иулиана Борша, румына по национальности, 2 февраля прямо на вокзале, где он случайно оказался, затолкали в поезд и, вместе с интернированными немцами, отправили в СССР⁷³.

Эшелоны состояли из 40–50 вагонов, в каждый набивалось по 40–45 человек: мужчины, женщины, юноши и девушки. В середине вагона в полу была вырезана четырехугольная дыра, служившая туалетом. Поезда шли, в основном, по ночам, в дневное время выстаиваясь на запасных путях.

Надо сказать, что **Румыния** стала основным театром действий по мобилизации и интернированию трудоспособного немецкого населения в Юго-Восточной Европе. Здесь находилось не менее 3/4 «спецконтингента» и размещался штаб операции, а также 6 из 10 ее оперативных секторов. Вся операция состояла из двух хронологических этапов (с 11 по 26 января и с 26 января по 2 февраля) и трех последовательных стадий: сначала мобилизации (методом поквартирного обхода) подвергался городской контингент, затем — периферийный сельский, а в самую последнюю очередь изымался контингент из румынской армии (главным образом — но не исключительно — рядовой состав)⁷⁴.

В сборные пункты провинции Тимиш (оперсектор № 1) было свезено 37 113 чел. спецконтингента, примерно поровну мужчин и женщин, из них «отсеялось» 5121 чел. С учетом 852 лиц, изъятых из румынской армии, общее число отправленного спецконтингента составило 31 992 чел., из них мужчин 16 455. «Недобор» по сравнению с контрольной цифрой, представленной румынскими властями (51 537 чел.) составил 14 213 чел. (или более 1/4), причем 3/5 этого недобора приходится на города Тимишоара, Арад и Решица. Это навело начальника сектора, полковника госбезопасности Короткова, на мысль провести в этих городах, а также в селах с концентрацией немецкого населения массовые облавы и «прочесывания», что, как он пишет, дало хорошие результаты. В итоге было отправлено 19 эшелонов⁷⁵.

⁷² Цитата из воспоминаний Э. Кляйн, написанных 14.01.1995.

⁷³ См. *Конасов, Терещук*, 1994, с. 328, со ссылкой на: *РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 12е, д. 27, л. 62*.

⁷⁴ Их общее число только в 3-м секторе составило ок. 2000 чел.

⁷⁵ *РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 13а, д. 5, л. 72–80*.

В провинции Муреш (оперсектор № 2) заранее было выявлено 28 292 трудоспособных немцев, а кроме того 4553 чел. из так называемых «дополнительных возрастов» (мужчины 16 и 46–48 лет и женщины 17 и 31–32 лет), рассматривавшихся, скорее всего, как резерв или вторая очередь на интернирование⁷⁶. В этом секторе операция началась 13 января, сначала в г. Сибиу, а затем — в остальных уездах. К 30 января на сборные пункты доставили 25 488 чел., из них 2927 чел. было отсеяно. Оставшиеся были погружены в 735 вагонов, из которых было составлено 13 эшелонов. 26 января поступил приказ об интернировании немцев из румынской армии, который принес дополнительно 1007 чел.

В провинциях Бучеч и Олт (оперсектор № 3) было учтено 49 448 немцев, из них подлежащих мобилизации лиц трудоспособных возрастов — 13 459 чел. В мобилизации и интернировании участвовало около 11 тыс. чел., в том числе от НКВД — 1,5, а от румынской жандармерии, полиции и «сигуранцы» (органов безопасности) — 9,5 тыс. чел. Помимо уже имевшихся в секторе лагерей для интернированных, было создано еще 5 сборных пунктов⁷⁷, причем для подвоза к ним интернированных, особенно из сельской местности, «мобилизации» подвергались и транспорт (как автомобильный, так и гужевой) местного населения и румынской армии. Всего было мобилизовано 15 880 чел., из них 1657 было отсеяно и освобождено. По состоянию на 2.02.1945, 13 612 чел. уже были отправлены в СССР, а остальные 609 чел. дожидались своего эшелона в Плоешти⁷⁸.

В состав 4-го оперсектора на территории Румынии входили Галац и четыре близлежащих уезда. Здесь, однако, немецкого населения почти не было: в списки спецконтингента было занесено всего 608 чел. Из них, по состоянию на 18.01.1945, было «изъято» 418 чел., в том числе 353 мужчин и 55 женщин⁷⁹.

В Венгрии (и в Северной Трансильвании⁸⁰), в зоне действия 2-го Украинского фронта, сроки операции были несколько откорректированы. Она проводилась в два этапа: на первом, охватившем период с 28 (по некоторым данным — с 20) декабря 1944 по 15 января 1945 гг., было создано 11 оперативных групп, действовавших совместно с местными органами власти, и, соответственно, 11 сборных пунктов⁸¹. После перепроверки списков число подлежащих интернированию составило 15 428 чел. Непосредственно к интернированию приступили 30 декабря, и, по состоянию на 5 января 1945 г., на сборных пунктах было сосредоточено 12 137, а к 15 января — 14 352 чел. «Отсеяно» было 1050 чел.,

⁷⁶ Интересно, что в других просмотренных нами документах такая категория, как «дополнительные возрасты», не встречается. Поэтому утверждать, входила ли эта «деталь» в число централизованно поставленных задач или являлась личной инициативой начальника 2-го оперсектора полковника Кожевникова, мы не вправе (см. его отчет: *РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 63–70*).

⁷⁷ Их дислокация (в скобках — пропускная способность, чел.): Брашов (10 000), Плоешти и Бухарест (по 3000), Кара-Кал и Тыргу-Жиу (по 300).

⁷⁸ *РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 29–35*.

⁷⁹ *РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 36–40*.

⁸⁰ Или, иначе, Сату-Марская область.

⁸¹ Их дислокация (в скобках — номера): Санислэу (№ 7000), Карей (№ 8000), Сату-Маре, Балмаз-Уиварош (№ 7020), Полста (№ 1060), Комплот (№ 8040), Жедвернек (№ 2060), Мезе-Берень (№ 8000), Дьюла, Елек и Цегледберцел (*РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 23–25*).

а большую часть остальных — 14 352 чел. — отправили 9 эшелонами в СССР (в качестве станции назначения при этом фигурировали преимущественно Кишинев и Бендеры, но кроме них еще и Чебоксары, Антропшино и Усть-Аба Пермской железной дороги).

На втором этапе, осуществлявшемся во второй половине января, было создано всего лишь 5 оперативных групп (с опытом работы «по прошлой операции») и с дислокацией в Будапеште, Кобанья-Ольше, Мишкольце, Серенче и Цегледберцеле. По состоянию на 31.01.1945, из 7115 учтенных немцев 454 были отсеяны по болезни. Остальные, поименованные далее уже как «спецконтингент», были сосредоточены на 4 сборных пунктах. Все 4 отправленных в январе эшелона имели своей целью Донбасс. С учетом и первого этапа операции было мобилизовано и отправлено в СССР в 15 эшелонах 19 576 трудоспособных немцев⁸².

3-му Украинскому фронту досталась территория **Югославии** и, отчасти, той же Венгрии; операция проводилась между 23 декабря 1944 и 14 января 1945 гг. Общее число мобилизованных фронтом — 21 695 чел., в том числе 9747 мужчин и 11 948 женщин. Между Югославией и Венгрией они поделились почти поровну — 10 935 и 10 760 чел. Для их отправки потребовалось 17 эшелонов, или 786 вагонов⁸³. По приказу Аполлонова, фронт приступил к дополнительной мобилизации еще 10 тыс. чел., но в связи с усложнившейся боевой обстановкой приостановил эту работу, «добрав» всего лишь 879 чел.

Ко 2 февраля операция по мобилизации, интернированию и отправке в СССР немецкого населения балканских стран была полностью завершена, о чем Аполлонов, Горбатюк и Сладкевич сообщили Берии по ВЧ. Всего на Балканах было интернировано 124 542 чел., в том числе 66 616 мужчин и 57 926 женщин. Из них 12 190 были «отсеяны» и освобождены прямо со сборных пунктов. Таким образом, по оперативным данным, в СССР было отправлено 112 352 чел.⁸⁴ По другим данным, мобилизации и интернированию на Балканах с последующей отправкой на работы в СССР было подвергнуто даже несколько больше людей, а именно 112 480 чел., из них 61 375 мужчин и 51 105 женщин (см. табл. 14). В третьем источнике встречается несколько меньшая цифра — 111 831 чел.⁸⁵

22 февраля 1945 года Берия подготовил проект Указа ПВС СССР «О награждении орденами и медалями работников НКВД–НКГБ за успешное выполнение специальных заданий Правительства»⁸⁶. В сопроводительном письме Берия подвел промежуточные итоги хода операции за 25.12.1944–31.01.1945. В операции участвовало 10 443 бойца

⁸² РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 13–15. Значительная часть интернированных из Югославии была направлена в Донбасс, для работы на шахтах трестов «Сталинуголь» и «Ворошиловградуголь» (ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 92, л. 44).

⁸³ Транспортировке воспрепятствовала стихия: ледоход на Дунае нарушил переправы, в результате контрольный срок — 3.01.1945 — выдержан не был (РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 26–28).

⁸⁴ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 16–20.

⁸⁵ Конасов, Терещук, 1994, с. 330, со ссылкой на: РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 12. См. также: РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 01е, д. 81, л. 123–124.

⁸⁶ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 93, л. 26–44.

Интернирование и депортация гражданских немцев из стран Европы в СССР

и офицера войск НКВД–НКГБ (войска по охране тыла действующей Красной Армии, пограничные войска и внутренние войска) и 664 оперативника НКВД–НКГБ.

Таблица 14. Учет и интернирование немецкого населения в странах Юго-Восточной Европы

Страны	Учтено			Интернировано		
	Мужчин	Женщин	Всего	Мужчин	Женщин	Всего
Румыния*	186 509	235 337	421 846	36 590	32 742	69 332
Венгрия	19 024	31 268	50 292	20 989	10 934	31 923
Югославия**	32 966	40 606	73 572	3 692	7 243	10 935
Чехословакия	1 412	2 837	4 250	49	166	215
Болгария	524	565	1 089	55	20	75
Всего	240 436	310 613	551 049	61 375	51 105	112 480

Примечания: * — включая 484 немца из Сев. Трансильвании (в т. ч. 357 мужчин и 127 женщин).

** — согласно справке зам. начальника ГУПВИ НКВД СССР генерал-майора Шемены от 7.09.1945, в январе-марте 1945 г. со станций Сокола-Голац и Аджуж-Нау в СССР было вывезено 111 831 чел., в т. ч. из Югославии — 12 364, что несколько превышает данные таблицы.

Источник: ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, ед. хр. 68, л. 144-147; ЦХИДК, ф. 1п, оп. 13а, д. 5, л. 9.

Реакция союзников на советские депортации на Балканах была резко отрицательной⁸⁷. Вместе с тем серьезнейшую обеспокоенность предпринятыми СССР депортациями выказывали... сами немцы. По данным советской разведки, одним из условий, выдвинутых Гиммлером на переговорах с американцами и англичанами, ведшихся, через посредничество Красного Креста, в феврале 1945 года, было оказание давления на СССР с целью прекратить вывоз гражданского немецкого населения из районов, занятых Красной Армией⁸⁸.

Интернирование немцев на территории Третьего Рейха

□ обращает на себя внимание следующее обстоятельство: до сих пор речь шла преимущественно о гражданских лицах немецкого происхождения, не являвшихся германскими или австрийскими гражданами (то есть, в нацистской терминологии, «**фольксдойче**»). Вопрос же о мобилизации и интернировании «**рейхсдойче**», то есть собственно «германских» немцев откладывался, хотя боевые действия Красной Армии уже давно (с октября 1944 года) перекинулись на территорию Рейха.

⁸⁷ См.: Weber, Weber-Schlenther, 1996.

⁸⁸ См. в записке Комиссара КГБ В. Н. Меркулова Молотову от 11.04.1945 (СССР и германский вопрос, 1996, с. 632, со ссылкой на: АВП, ф. 06, оп. 7, п. 14, д. 138, л. 24–27).

Для массового интернирования немцев в самой Германии, по-видимому, требовалась какая-то иная мотивация. Найти и сформулировать ее, впрочем, было не так уж и сложно: нападения на красноармейцев, террористические группы из переодетых в гражданское солдат и офицеров вермахта, диверсионная работа с целью дезорганизации красноармейских боевых и тыловых коммуникаций. С учетом опыта собственного партизанского движения в немецком тылу советское руководство еще в зародыше хотело бы обезопасить себя от чего бы то ни было похожего!

Первым подступом к этому стал приказ № 0016 по НКВД СССР от 11 января 1945 года «О мероприятиях по очистке фронтовых тылов действующей Красной Армии от вражеских элементов». Этим приказом Берия назначил уполномоченных НКВД по всем фронтам и переподчинил для соответствующих чекистско-войсковых мероприятий войска НКВД по охране тыла фронтов общей численностью около 60 тыс. чел. (соответствующие лагерные помещения предписывалось выделить в трехдневный срок)⁸⁹.

Следующим и определяющим шагом стало Постановление ГКО № 7467сс от 3 февраля 1945 года, предписывавшее «...жестко расправляться с лицами, уличенными в совершении террористических и диверсионных актов, путем беспощадного уничтожения их на месте преступления»⁹⁰. Что же касается прочих гражданских лиц, то на территории 1, 2 и 3-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов предписывалось провести мобилизацию «...всех годных к физическому труду и способных носить оружие немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет. Немцев, в отношении которых будет установлено, что они служили в немецкой армии или частях „Фолькштурма“, считать военнопленными и направлять в лагеря НКВД для военнопленных. Из остальных мобилизуемых немцев сформировать рабочие батальоны по 750–1200 человек в каждом, для использования на работах в Советском Союзе, в первую очередь в Украинской и Белорусской ССР».

Ввиду отсутствия в Германии легитимных органов власти все необходимые распоряжения о мобилизации должны были идти от имени командующих фронтами (соответственно, Жукова, Рокоссовского, Черняховского и Конева), а основную практическую «работу» осуществляли назначенные Берией уполномоченные НКВД (соответственно, И. А. Серов⁹¹, Л. С. Цанава⁹², В. С. Абакумов и П. Я. Мешик⁹³). В задачи НКВД входило так-

⁸⁹ Сообщено Н. Охотиним.

⁹⁰ АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 500, л. 130–133. Другое место хранения: РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 3, л. 1–4; РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 369, л. 3 (Кнышевский, 1994, с. 60, 65).

⁹¹ Серов Иван Александрович (1905–1990) — генерал-полковник, в 1941–1945 гг. — зам. наркома НКВД СССР, комиссар госбезопасности 2-го ранга; в 1954–1959 гг. возглавлял КГБ СССР, затем на военных должностях в Ташкенте. За потерю бдительности понижен в воинском звании с генерала армии до генерал-майора, лишен правительственных наград.

⁹² Цанава Лазарь Фомич (1900–1953) — комиссар гб 3-го ранга, генерал-лейтенант; до этого назначения был зам. нач. штаба партизанского движения, после — зам. министра ГБ СССР и нач. 2-го управления МГБ (один из руководителей операции по ликвидации С. Михоэлса; умер во время следствия по этому делу).

⁹³ Мешик Павел Яковлевич (1910–1953) — комиссар гб 3-го ранга, генерал-лейтенант; до этого назначения был зам. нач. ГУКР СМЕРШ НКО СССР, после — зам. нач. 1-го главного управления при СНК–СМ СССР, министр внутренних дел УССР. Расстрелян, не реабилитирован.

же направлять и конвоировать мобилизованное и прошедшее проверку немецкое гражданское население в распоряжение наркоматов и предприятий в СССР, нуждающихся в рабочей силе и имеющих возможность обеспечить его прием, размещение и трудовое использование в соответствии с ранее уже утвержденным Положением⁹⁴. Так что данное именно Лаврентию Павловичу поручение руководить всеми операциями по мобилизации и интернированию немцев было по меньшей мере логичным.

6 февраля 1945 года, основываясь на Постановлении ГКО от 3 февраля, Берия издал приказ № 0061 по НКВД СССР, дополняющий это постановление, например, следующей конкретикой: « <...> В приказе о явке мобилизуемых немцев предусмотреть порядок, сроки явки и сборные пункты. Обязать мобилизуемых немцев иметь при себе: полный комплект зимней и летней одежды и обуви, не менее двух пар белья, комплект постельных принадлежностей (одеяло, простыни, тюфячную и подушечную наволочки), предметы личного обихода (чайную и столовую посуду), а также запас продовольствия не менее чем на 15 дней. В приказе объявить, что за неявку на сборные пункты подлежащие мобилизации будут преданы суду Военного трибунала». Этим же приказом уполномоченные НКВД при фронтах обязывались, начиная с 10 февраля 1945 года, ежедневно доносить о ходе мобилизации. Наблюдение за исполнением приказа возлагалось на заместителей наркома НКВД С. Круглова и В. Чернышева⁹⁵.

Уже 22 февраля 1945 года, Берия впервые рапортовал Сталину о начале и ходе мобилизации гражданского немецкого населения. По состоянию на 20 февраля 1945 года в оперативных зонах вышеуказанных фронтов — главным образом, в Верхней Силезии и Восточной Пруссии — было мобилизовано 28 105 мужчин в возрасте от 17 до 50 лет. В том же письме, в связи с изменениями на Прибалтийских фронтах, Берия просил распространить Постановление ГКО от 3 февраля 1945 года и на территории 1 и 2-го Прибалтийских фронтов⁹⁶.

На территории же 1, 2 и 3-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов, по данным на 2 февраля 1945 года, было мобилизовано и/или арестовано в общей сложности

⁹⁴ См. Постановление ГКО № 7252сс от 29.12.1944. Серов, Цанава и Мешик были повышены 2.05.1945 в должностях (См. Постановление ГКО № 8377сс от 2.05.1945. См.: АПРФ, ф. 3, оп. 64, д. 799, л. 19–20; РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 6, л. 1, 2). Став заместителями Командующих фронтов по управлению гражданскими делами, они отныне отвечали за проведение в жизнь всех мероприятий советского военного командования по управлению территорией Германии, занятой войсками Красной Армии. Из местного немецкого населения они должны были подбирать, назначать и контролировать местные органы исполнительной и судебной власти; более привычное дело — выявление и наказание шпионов, диверсантов и проч. — также оставалось в их компетенции. Их вертикальной структурой были военные коменданты Красной Армии на местах, а также, в ряде случаев, специально выделяемые уполномоченные. Таким образом, «боевой задачей» новоназначенных заместителей командующих фронтами стала мирная жизнь побежденного государства. Тем самым, в сущности, закладывались основы и ростки будущей СВАГ — Советской Военной Администрации в Германии.

⁹⁵ РГВА/ГУПВИ, ф. 1/п, оп. 37а, д. 3, л. 20–23. Чернышев Василий Васильевич (1896–1952) — генерал-полковник, в 1941–1959 гг. — зам. наркома НКВД, комиссар госбезопасности 2-го ранга.

⁹⁶ АПРФ, ф. 3, оп. 64, д. 799, л. 7–8 (на бланке НКВД). Копия имеется в «Особой папке Сталина» (ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 93, л. 2, 3). Командующим 1-м Прибалтийским фронтом был Баграмян, уполномоченным НКВД — Ткаченко.

28.105 немцев (по всей видимости — собственно немецких граждан)⁹⁷, по данным на 23 февраля — 35 988 чел., на 3 марта — 58 318⁹⁸, на 9 марта — 68 680⁹⁹, на 19 марта — 75 759¹⁰⁰, а на 10 апреля 1945 года — 97 487 немцев.¹⁰¹

«Добывались» эти люди в ходе операций по очистке тыла действующих фронтов, где в качестве «добычи» мог фигурировать достаточно широкий спектр «окрасок» задержанного «вражеского элемента». Так, 35 998 «интернированных» по состоянию на 23 февраля — это всего лишь чуть больше одной трети от числа «задержанных» НКВД на эту дату (92 016 чел.). Судя по всему, к «интернированным» относились, например, такие «окраски», как «агенты и гласный состав разведывательных и контрразведывательных органов противника», «диверсанты и террористы», «участники фашистских организаций» (самая многочисленная группа — 31 007 чел.), «фольксдойче» и, возможно, некоторые другие¹⁰². Естественно, сюда не входили военнослужащие армий противника, военнослужащие РОА («власовцы»), изменники Родине, предатели, ставленники и пособники оккупантов, а также советские «фольксдойче».

Мобилизация и интернирование немцев — в ряду иных мероприятий по очистке фронтовых тылов Красной Армии от вражеских элементов — продолжалась по меньшей мере до середины апреля — начала мая 1945 года. В письме к Сталину от 17 апреля 1945 года Берия сообщал, что по состоянию на 15 апреля 1945 года в ходе этих операций было «изъято» в общей сложности 215 540 чел., в том числе (по «окраскам»): «агентов и гласного состава разведывательных и контрразведывательных органов противника, террористов и диверсантов» — 8470, «участников фашистских организаций» — 123 166, «командного и рядового состава армий, воюющих против СССР» — 31 190, «командного и оперативного состава полицейских органов, тюрем, концлагерей, сотрудников прокурорских и судебных органов» — 3319, «руководителей крупных хозяйственных и административных организаций и журнально-газетных работников» — 2272, «изменников Родине, предателей, ставленников и пособников оккупантов, бежавших вместе с немецко-фашистскими войсками» — 17 495, «прочий вражеский элемент» — 29 628 чел. Из общего числа «изъятых» в 215 540 чел. немцев было только 138 200 чел.: остальные были поляками¹⁰³ — 38 660, гражданами СССР — 27 880, венграми — 3200, словаками — 1130, итальянцами — 390.

Из этих 215 540 чел. фактически были доставлены в СССР только 148 540 чел., остальные либо находились в прифронтовых лагерях и тюрьмах (62 тыс.), либо умерли в ходе операции или по пути следования (5 тыс.). Большинство этих людей, по утверждению Берии, были рядовыми (читай: не более, чем рядовыми) участниками различных фашистских организаций (профсоюзных, трудовых, молодежных), и их изъятие

⁹⁷ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 93, л. 183.

⁹⁸ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 93, л. 254.

⁹⁹ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 93, л. 352.

¹⁰⁰ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 93, л. 352.

¹⁰¹ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 94, л. 393, 394.

¹⁰² ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 94, л. 184–185.

¹⁰³ Таких немецких поляков сравнительно быстро (уже летом 1945 г.) репатриировали в Польшу.

«... в свое время диктовалось необходимостью быстрой очистки тыла фронтов от вражеских элементов».

Кроме того, в силу возраста и плохого физического состояния использование большинства из них на физических работах не представлялось возможным: на середину апреля реальное трудоустройство немецких мобилизованных — в угольной промышленности, цветной металлургии, торфодобыче и на стройках — затронуло всего 25 тыс. чел. Поэтому НКВД предлагало, во-первых, резко ограничить число категорий лиц, подлежащих изъятию «в порядке очистки тылов»; во-вторых, прекратить вывоз в СССР уже «изъятых», организовав необходимое для их содержания количество тюрем и лагерей непосредственно в Германии и делая исключение только для тех арестованных, которые представляли особый оперативный интерес; в-третьих, пересмотреть материалы на тех арестованных, что, по-видимому, уже были завезены в СССР на предмет выявления неспособных для последующей отправки на родину.

Представляя при этом проект соответствующего приказа НКВД, Берия спрашивал на это сталинского согласия, которое, судя по следующей пометке на письме, и получил в тот же день: «При личном докладе утвержден тов-щем Сталиным. 17/IV 45 Л. Берия»¹⁰⁴. Об этом же свидетельствует и Постановление ГКО № 8148сс, датированное тем же 17 апреля 1945 года и предписывающее прекратить на территории фронтов дальнейшую мобилизацию немцев и их отправку в СССР¹⁰⁵. В постановлении упоминались 97 487 уже интернированных немцев, которые отныне закреплялись за следующими наркоматами СССР (чел.): Наркомуголь — 37 600, Наркомстрой — 28 800 (в т. ч. 20 000 — на демонтажных работах на фронтах), Наркомчермет — 13 100, НКПС — 5700, Наркомместтоппром — 3750, Наркомпищепром и Наркомтанкопром — по 2000, Наркомгражданжилстрой — 1600, Наркомэлектростанций — 1550, Наркомпромстройматериалов и Наркомсредмаш — по 1000, Наркоминвооружения — 250 чел.

А следующим днем (18.04.1945) помечен и согласованный со Сталиным Приказ НКВД СССР № 00315 «О частичном изменении приказа НКВД СССР № 0016 от 11 января 1945 года»¹⁰⁶. Приказ существенно сузил перечень подлежащих «чистке тыла» категорий лиц (главным образом за счет отказа от самого массового контингента — рядовых «участников различных фашистских организаций»).

Аресту (а в ряде случаев и уничтожению на месте преступления) тем не менее по-прежнему подлежали: а) шпионско-диверсионная и террористическая агентура германских разведывательных органов; б) участники всех организаций и групп, оставленных немецким командованием и разведывательными органами для подрывной работы в тылу Красной Армии; в) содержатели нелегальных радиостанций и подрывных групп; г) активные члены национал-социалистической партии; д) областные, городские и районные руководители фашистских молодежных организаций; е) сотрудники гестапо,

¹⁰⁴ АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 501, л. 43–49. См. др. экз-ры: РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 5, л. 1–7; ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 95, л. 253–255.

¹⁰⁵ АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 501, л. 50–51. См. проект в: ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 95, л. 37, 38 (там же — л. 36 — сопроводительное письмо Берии Сталину от 16.04.1945, начинающееся словами: «В соответствии с Вашим указанием представляю проект...»).

¹⁰⁶ АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 501, л. 193–197.

«СД» и других карательных органов; ж) руководители областных, городских и районных административных органов, а также редакторы и авторы антисоветских журналов и газет. При этом поголовная отправка всех арестованных в СССР прекращалась, а инвалидов, больных, нетрудоспособных, стариков и женщин предписывалось из-под стражи отпустить¹⁰⁷. Эти же категории лиц, но уже вывезенные в СССР, подлежали, после проверки, отправке на родину, за исключением... физически здоровых, передававшихся для работы в промышленность! Для этих людей обратного хода, видимо, уже не было, дверь за ними — а может, и крышка гроба над ними — захлопнулась¹⁰⁸.

Всего же этой «волной» интернирования — и последовавшей за ней депортации — было «накрыто» в общей сложности 155 262 чел., то есть почти на $\frac{2}{5}$ больше, чем первой, преимущественно балканской, «волной».

Некоторые итоги операции по интернированию немцев

Обе же «волны», вместе взятые, «намыли» около 267 тыс. чел. Между волнами, кстати сказать, было одно, но весьма существенное отличие — в **статусе** интернированных. Если интернированные в Юго-Восточной Европе считались **«интернированными-мобилизованными»** (им было присвоено также обозначение **«группа Г»**), то интернированные в бывшем Рейхе (или, точнее, их большая часть) считалась **«интернированными-арестованными»** (и им было присвоено обозначение **«группа Б»**).

Поясим. Согласно приказу НКВД № 00101 от 22 февраля 1945 года устанавливались следующие категории подлежащих фильтрации лиц: «А» — военнопленные вражеских армий; «Б» — гражданские лица, члены различных вражеских организаций, руководители областных и уездных дум и управ, бургомистры, руководители крупных хозяйственных и административных организаций, редакторы газет и журналов, авторы антисоветских изданий и прочий враждебный элемент; «В» — советские граждане, находившиеся в плену, «Г» — рабочие батальоны немцев, мобилизованные по постановлениям ГКО. Отметим, что для попадания в группу «Г» было достаточно и таких оснований, как «дочь помещика», «торговка», «эксплуататор» и т. п.¹⁰⁹

К началу 1946 года НКВД подвел первые количественные итоги.

В январе-марте 1945 года из балканских стран в СССР было вывезено 111 831 интернированный немец, из них мужчин — 61 375 и женщин — 50 456. Большинство

¹⁰⁷ Соответствующие мероприятия по фильтрации и рефильтрации арестованных возлагались на комиссаров гб 2-го ранга В. Чернышева и Б. Кобулова, начальника ГУПВИ НКВД СССР Кривенко и начальника Отдела проверочно-фильтрационных лагерей Шитикова.

¹⁰⁸ Более того, соответствующие указания — о распространении на все наркоматы и ведомства Постановлений ГКО от 16 и 29 декабря 1945 года (они касались сначала только двух, а затем трех ведомств) — были даны тем же Берией, но уже не как наркомом внутренних дел, а как заместителем председателя ГКО (Распоряжение № ГОКО-6255сс от 22.04.1945 // АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 501, л. 52).

¹⁰⁹ См.: Чухин, 1995, с. 6, 7.

Интернирование и депортация гражданских немцев из стран Европы в СССР

привезли из Румынии (67 332), Венгрии (31 920) и Югославии (12 579). В феврале-апреле 1945 года из бывших Верхней Силезии и Восточной Пруссии было завезено еще 77 741 чел., почти исключительно мужчин (77 059). Таким образом к концу войны в СССР находилось 189 572 интернированных лица группы «Г» («интернированных и мобилизованных»), сведенных в рабочие батальоны и переданных в промышленность. Учитывая 18 667 чел., поступивших из лагерей НКВД после фильтрации¹¹⁰, общее число интернированных этой группы составляло 208 239 чел.

Однако и количественные сокращения (так называемые «убытия») в этой категории уже в первый год были весьма внушительными. По состоянию на 1 февраля 1946 года, они составили 76 106 чел. (из них 40 331 чел., в том числе 10 983 поляка, были репатрированы, а 35 775 чел. «убыло» по причине смерти). Таким образом в СССР, на ту же дату, оставалось всего 132 133 чел.

Кроме того, в марте-мае 1945 года в СССР было завезено и 94.601 чел. интернированных группы «Б» («интернированные-арестованные»), из числа которых убыло аж 79 546 чел. Тут структура «убытия» такова (чел.): репатрировано — 21 250 (в том числе поляков 15 597), передано в рабочие батальоны — 19 270, в лагеря для военнопленных — 10 263, в проверочно-фильтрационные лагеря — 2874, умерло и другие причины — 25 889. Не прошедших процесс «фильтрации» в лагерях и лагпунктах насчитывалось еще 15 055 чел.

Таким образом, из почти 303 тыс. чел. (считая поляков и японцев), так или иначе проходивших в СССР по категории «интернированные», к февралю 1946 года в наличии имелось «всего-навсего» около 150–165 тыс. чел. с таким статусом, то есть чуть ли не **менее половины!**¹¹¹

В справке об итогах работы ГУПВИ за 1946 год, подготовленной 15 января 1947 года зам. начальника ГУПВИ генерал-майором Ратушным для генерал-лейтенанта Кривенко, указывается объем учетной картотеки интернированных и мобилизованных: в ней значилось 344 671 карточки¹¹².

¹¹⁰ Согласно приказу НКВД СССР № 00315-1945 г.

¹¹¹ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 4а, д. 21, л. 2.

¹¹² РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 23а, д. 2, л. 162.

ТРУДОИСПОЛЬЗОВАНИЕ И РЕПАТРИАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ НЕМЦЕВ ИЗ СТРАН ЕВРОПЫ В СССР

География и трудоустройство интернированных немцев в СССР

Примечательна и география размещения интернированных. Как видим, ГКО сдержал слово: большинство интернированных — более $\frac{3}{4}$ — было направлено в Донбасс и смежные металлургические области южной Украины (см. табл. 15 и рис. 8).

Еще около 11% было «трудоустроено» на Урале. Сравнительно небольшие контингенты были на Северном Кавказе, в Белоруссии, на Украине и в Московской области. Из 15 областей с одним рабочим батальоном только две (Актюбинская и Кемеровская) расположены к востоку от Урала и три на севере Европейской части СССР (Карело-Финская АССР, Архангельская и Мурманская обл.). Интересно, что в Донбассе преобладали мужчины, а на Урале — женщины.

На фоне расселения советских спецпоселенцев того времени эта география выглядит привилегированной и «гуманной». В сущности, она совпадает с районами принудительного вселения советских репатриантов, значительную часть которых вербовали на восстановление шахт Донбасса. Заметим, что население Донбасса было особенно сильно затронуто немецкими акциями по угону советских граждан в Германию.

Еще 29 декабря 1944 года (то есть спустя 13 дней после выхода основополагающего постановления № 7161 сс) ГКО выпустил в его развитие Постановление «О трудовом использовании интернированных немцев» (за № 7252сс)¹. В число заинтересованных ведомств, кроме Наркомугля и Наркомчермета, вошел и Наркомцветмет (нарком — т. Ломако²): из 140 тыс. запланированных пар рабочих рук на его предприятиях предполагалось использовать 20 тыс. — вдвое меньше, чем в Наркомчермете (40 тыс.) и вчетверо меньше, чем в Наркомугле (80 тыс.).

¹ АПРФ, ф. 3, оп. 58, ед. хр. 500, л. 111–119, в т.ч. л. 115–119 — приложения: № 1 — таблица распределения 140 тыс. прибывающих немцев по областям и № 2 — «Положение о приеме, содержании и трудоустройстве мобилизованных и интернированных немцев». Др. экз-ры: РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 2, л. 1–9; РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 348, л. 6–8 (Кнышевский, 1994, с. 60, 65).

² Ломако Петр Фаддеевич (1904–?) — в 1939–1957 гг. зам. наркома, нарком, министр цветной металлургии СССР.

Таблица 15. География немецких интернированных в СССР, на 1.01.1946

№№	Области и республики	Число раб. батальонов	Интернированные		Доля мужчин
			чел.	%	%
1.	Сталинская обл.	63	49 452	37,4	55,8
2.	Ворошиловградская	30	26 015	19,7	64,6
3.	Днепропетровская	27	18 556	14,0	61,2
4.	Челябинская	6	5 185	3,9	42,8
5.	Ростовская	5	4 314	3,3	50,9
6.	Свердловская	6	3 470	2,6	45,9
7.	Грузинская ССР	4	2 972	2,2	88,8
8.	Чкаловская	3	2 780	2,1	95,0
9.	Харьковская	4	2 409	1,8	69,6
10.	Молотовская	3	1 946	1,5	41,7
11.	Запорожская	2	1 608	1,2	77,1
12.	Минская	3	1 526	1,2	100,0
13.	Коми АССР	2	1 357	1,0	22,3
14.	Чувашская АССР	2	966	0,7	7,9
15.	Грозненская	2	927	0,7	35,0
16.	Московская	3	877	0,7	100,0
17.	Курганская	1	788	0,6	7,7
18.	Северо-Осетинская АССР	2	762	0,6	63,1
19–33.	Прочие	14	6 243	4,8	
	Всего	183	132 133	100,0	58,7

Источник: РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 4а, д. 21, л. 3.

Рис. 8. Размещение немецких интернированных в СССР на 1 февраля 1946 г., тыс. чел.

Большинство интернированных предполагалось направить в Сталинскую (56 тыс.), Ворошиловградскую (28 тыс.) и Ростовскую (8,5 тыс.) обл.: здесь должны были преобладать угольщики, тогда как в Днепропетровской обл. (22,5 тыс.) «монополистом» был Наркомчермет. Подключение же Наркомцветмета означало резкое расширение намечаемой географии трудоустройства: соответствующие предприятия находились на Урале (в одной только Свердловской обл. планировалось использовать 5 тыс. чел.), в Ленинградской обл., в Северной Осетии, а также в Казахстане, Узбекистане и Таджикистане.

Для решения всего комплекса вопросов в Сталинской, Ворошиловградской, Днепропетровской и Ростовской обл. создавались специальные комиссии в составе секретаря обкома (председатель), председателя облисполкома, начальника управления НКВД и представителей заинтересованных ведомств³. Комиссии были вправе использовать помещения не только заинтересованных, но и любых других ведомств, расположенных вблизи выбранных предприятий. Уже к 3 января 1945 года(!) им следовало доложить в НКВД СССР о проведенных мероприятиях, в том числе и о степени готовности предприятий к приему, а также указать станции назначения для разгрузки эшелонов с интернированными. Мероприятия по подготовке и приспособлению помещений предписывалось закончить к 15 января, ведомства-потребители должны были командировать на соответствующие предприятия своих уполномоченных представителей. Считалось, что офицерские кадры рабочих батальонов, формируемых и оплачиваемых Наркоматами, состоят на действительной военной службе со всеми вытекающими отсюда правами, обязанностями и преимуществами.

21 февраля 1945 года вышло Постановление ГКО № 7565с «О распределении мобилизуемых на территории действующих фронтов немцев на работы в промышленности»⁴. В качестве «первых партий мобилизованных немцев» распределению — между 12 союзными и 2 республиканскими (БССР) наркоматами — подлежали 85 тыс. чел., из них 67 тыс. предназначались УССР и 18 тыс. — БССР. Крупнейшим заказчиком выступали Наркомуголь (25 тыс. чел.), Наркомстрой (11 тыс.), Наркомчермет (10 тыс.), Наркомлес, НКПС, а также Наркомтоппром БССР (по 5 тыс.).

Что касается статуса и положения самих интернированных, то они регулировались специально разработанным в НКВД «Положением о приеме, содержании и трудоустройстве мобилизованных и интернированных немцев» от 27 февраля 1945 года⁵.

³ В других регионах комиссии не создавались, но первые секретари обкомов обязывались оказывать содействие в этом деле. К содействию обязывались также Совнарком УССР (т. Хрущев), Наркомторг СССР (т. Любимов) и НКПС (т. Ковалев). Последний, в частности, отвечал за выделение нужного количества по-зимнему оборудованного порожняка для формирования эшелонов с интернированными.

⁴ АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 500, л. 130–133. Др. экз-ры: РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 4, л. 1, 2; РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 372, л. 177; Кнышевский, 1994, с. 59, 65).

⁵ РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 37а, д. 3, л. 25–30. Ему предшествовало «Временное положение о рабочем батальоне по обслуживанию интернированных немцев» от 10.01.1945. См. также «Инструкцию по организации и ведению учета интернированных и мобилизованных немцев» от 28.02.1945

Согласно этому документу, интернированные и мобилизованные немцы из Юго-Восточной Европы направлялись на восстановительные и строительные работы в шахты, в основные цеха или на подсобные предприятия перечисленных наркоматов, то есть фактически выводились из-под контроля Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР (ГУПВИ). Это ставило их в значительно худшие условия, чем те, в которых находились немецкие военнопленные, поскольку перечисленные ведомства и их предприятия рассматривали их как бросовую рабочую силу и об их быте и хотя бы о поддержании физического состояния практически не заботились⁶.

Штатной организацией соответствующего Наркомата являлся **рабочий батальон**. Каждый батальон состоял из трех-пяти рот численностью до 1000 чел.; роты возглавлялись выделенным НКО офицерским составом⁷. В вопросах охраны, поддержания режима и учета интернированных батальоны оперативно подчинялись НКВД, осуществлявшему одновременно и более широкий контроль. Указания и требования органов НКВД исполнялись в первую очередь.

В остальном же интернированные находились в полном подчинении и на полном содержании «своего» наркомата. На наркоматы возлагалась ответственность за обеспечение интернированных всем необходимым — от питания до культурно-бытовых и санитарных мероприятий. Содержать их предписывалось казарменно, в помещениях барачного типа, огороженных — вместе со двором — колючей проволокой или забором и охраняемых вахтерской службой наркоматов (допускалось проживание мужчин и женщин в одной зоне, но в разных помещениях). В бараках устанавливался внутренний распорядок, аналогичный тому, что был принят в лагерях НКВД для военнопленных.

В случае нарушений взыскания накладывались в соответствии с Дисциплинарным уставом Красной Армии; за неоднократные или грубые нарушения дисциплины, побег или отказ от работы можно было попасть в отдаленные и северные лагеря НКВД для интернированных с особым режимом (последние, таким образом, несли точно такую же функцию, что и концлагеря в Третьем Рейхе), а все прочие преступления влекли за собой уголовную ответственность перед Военным трибуналом.

Все интернированные были организованы в бригады и смены. Комплектование бригад и смен велось по производственному принципу, в соответствии с существующей структурой батальона (роты, взвода). Считалось, что при комплектовании бригад должны были учитываться квалификация и физическое состояние интернированных; на деле это было так не всегда и не везде. На работу предписывалось выходить организованно и, хотя и без охраны, но в сопровождении батальонного начальства

(РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 37а, д. 3, л. 31–38), «Временную инструкцию об охране и режиме содержания интернированных и мобилизованных немцев в рабочих батальонах» от 5.03.1945 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 37а, д. 1, л. 63–66), «Инструкцию о порядке конвоирования военнопленных и интернированных частями конвойных войск НКВД СССР» от 4.04.1945 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 37а, д. 1, л. 76–81).

⁶ Коносов, Терешук, 1994, с. 320.

⁷ Собственно штаты батальонов утверждались по согласованию НКВД с соответствующими наркоматами.

или вахтеров. Питались в специальных столовых по действующим нормам для рабочих тех же предприятий, включая и дополнительный рацион для хорошо работающих⁸.

В зависимости от норм выработки⁹ полагалась и ежемесячная зарплата, из которой, однако, вычитались расходы на питание, поддержание в порядке общежития и постельных принадлежностей, охрану и содержание батальонного штата, а также 10% централизованных расходов. Больные или потерявшие трудоспособность оставались на полном содержании предприятий — до решения вопроса об их возвращении на родину.

Однако все это было, в основном, на бумаге. В действительности же все обстояло существенно иначе. Вот еще одна выдержка из воспоминаний Э. Кляйн:

«5 февраля мы добрались до цели — города Сталино (ныне — Донецк). Нас выгрузили около одной угольной шахты... Лагерь состоял из трех больших зданий. В одном блоке размещались женщины, а в блоке напротив — мужчины. В третьем находились кухня и столовая. Чего не было, так это туалетов. Поэтому мы были вынуждены справлять свою нужду просто позади своих блоков. Позднее мужчинам пришлось построить загородки. По периметру лагеря шла колючая проволока, в каждом из четырех углов стояло по сторожевой вышке. Возле входа в лагерь стоял маленький домик, в котором постоянно находился охранный пост.

Первые дни сидели мы на деревянных нарах безо всякого дела... Вскоре первую партию мужчин отправили на шахту. Затем подошла и очередь женщин. Перед этим все мы прошли медицинский осмотр. Мне, например, «врач» поставил диагноз: туберкулез. Я была более чем счастлива этому ложному диагнозу, так как благодаря ему я избежала работы в самой шахте.

В смысле снабжения тех, кто работал в шахте, кормили несколько лучше, чем остальных. Им полагалась большая, чем у нас, пайка хлеба и большая порция каши, в которой изредка можно было найти кусочки конины. Обыкновенно же давали трижды на дню щи или же сваренные в воде зеленые соленые помидоры, которых по весне сменяли свекольные листья. Что нам придавало жизни — так это хлеб, но и в нем было больше балластных веществ, нежели калорий. Сначала были у нас домашние белье и одежда, которые мы продавали с тем, чтобы прикупить немного кукурузной муки и поесть кукурузную кашу.

Первыми, кто умер, были мужчины старше 40 лет. Они не справились с трудностями и не смогли пересилить голод. В лагере 1064 возле деревни Ветка, где я находилась

⁸ Другой мерой поощрения для выполняющих нормы интернированных была переписка (один раз в месяц), разрешенная Приказом МВД № 00574 от 21.06.1946 (военнопленные пользовались этим правом с июля 1945). См.: ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 1с, д. 205, т. 14, л. 340.

⁹ Действующие нормы выработки устанавливались с третьего месяца, в первый же и второй месяц достаточно 60 и 80% выработки.

с июля 1945 года, ежедневно умирало 7–8 чел. из Силезии, Померании и др. восточных областей. Мы, женщины из 1021 лагеря, и должны были заполнить образовывавшиеся «бреши». Некоторым посчастливилось, и они работали в столовой или на кухне, или в лазарете. Я работала на стройке, изредка в саду, а под конец — в карьере кирпичного завода. Санитарные условия в лагере были ужасны. Ежедневным занятием после работы было давить вшей. Других возможностей для борьбы с ними у нас не было. Только в ноябре, когда у нас случилась эпидемия тифа, впервые применили меры для уничтожения вшей, вроде выжаривания белья и одежды.

В нашем бараке почти все 70 женщин заболели одновременно. И меня не миновала болезнь. В 40-градусном жару я лежала на нарах, прямо под потолком, над парой других несчастных, и не могла даже сама сесть. Никаких лекарств, санитар Хольцман, из причерноморских немцев, каждое утро мерил температуру и справлялся о здоровье, может ли та, что наверху, еще шевелить головой или нет. Два дня я жила только на чае. А когда мне стало чуть лучше, я обменяла свою пайку хлеба на яблоко. И хотя, начиная с января, у меня появилась возможность «организовывать» картофель (я перемалывала картофель на складе), по-настоящему поправиться я так и не смогла. В это время мы стали получать картошку и в столовой — вместо пшенной каши, она была мороженой и отвратительной на вкус.

На кирпичном заводе мне все время доставалась работа потяжелее. Я должна была таскать до 20 кг кирпичей зараз. Сама я весила 42 кг. Однажды я упала в обморок. Когда мы пришли в лагерь, там была комиссия, отбиравшая больных и слабых для отправки домой. Я же однако для этого еще «не годилась». Но в сентябре 1946 года я уже настолько ослабла, что была отобрана в следующий по счету транспорт».

Ко всему этому следует добавить эпидемии тифа, открытую ненависть части персонала лагерей вообще к немцам, а также систематическое воровство снабженцами поступающих в лагерь продуктов и имущества¹⁰. Как отмечает историк из Петрозаводска И. И. Чухин, «...судьба интернированного гражданского населения оказалась во многом хуже, чем участь заключенных в лагеря военнопленных, с их твердым порядком и централизованным снабжением»¹¹. Впрочем, и местные жители, занятые на тех же, что и «вестарбайтеры», работах, находились в условиях, часто ничуть не лучших, чем немцы¹², а их питание, в отличие от интернированных, напрямую зависело от выработки.

Надо сказать, что рентабельным труд военнопленных и интернированных, за редчайшими исключениями, не был. Он неизбежно и неизменно дотировался.

¹⁰ См., например: Чухин, 1995, с. 12–15.

¹¹ Чухин, 1995, с. 7.

¹² Нередко они даже добровольно переселялись в бараки, оставшиеся после закрытия лагерных зон (Чухин, 1995, с. 10).

Выборочный анализ отчетов четырех лагерей, проведенный в начале лета 1945 года финансовым отделом белорусского НКВД, показал разброс в их «рентабельности» между 9 и 27%. Анализ положения в одном из лагерей для военнопленных (№ 168) выявил ряд острых внутрिलाгерных противоречий: первое — между администрацией и санчастью, второе — между производственным отделом и работодателем (хозорганом). Администрация была заинтересована в обеспечении рабочей силой своих внутрिलाгерных нужд, санотделы — в поддержании физического состояния контингента, а хозорганы (контрагентные предприятия) — в получении как можно большего количества рабочей силы и снижении себестоимости, причем, поскольку оплата рассчитывалась по наряду-приказу, производительность труда их не волновала, что прямо провоцировало на бесхозяйственность. Между молотом и наковальней оказывались при этом производственные отделы лагерей, но в первую очередь — сами военнопленные, о которых хозорган в создавшейся ситуации просто не мог не отзываться иначе как о лентяях и саботажниках¹³.

Те же отношения воспроизводились и в лагерях для «вестарбайтеров». За январь 1946 года имеются данные о трудовом использовании интернированных группы «Б»: так, у хозорганов работало менее 80%, а около 14% не работало вообще, главным образом, по болезни и из-за отсутствия теплой одежды. Доля лиц, выполнявших или перевыполнявших норму, не достигала 35%¹⁴. В феврале доля занятых на контрагентских работах опустилась до отметки менее 60%¹⁵.

Тем не менее сводный отчетный процент самокупаемости содержания военнопленных составлял в 1945 году 73%, в 1946 году — 93,5%, а в первом квартале 1947 года — 61,7%¹⁶. Сказанное выше, однако, заставляет сильно усомниться в достоверности этих «приличных» показателей. По свидетельствам самого «контингента», абсолютное большинство трудоспособных, не говоря уже об инвалидах, больных и прочих нетрудоспособных, было не в состоянии выполнять установленные для них нормы. Их выработка, по данным И. Чухина, только в редких случаях перекрывала установленную норму питания в денежном эквиваленте¹⁷.

¹³ См. в письме начальника финотдела НКВД БССР Ярошенко и начальника 3-го отделения НКВД БССР Энтина начальнику центрального финансового отдела НКВД СССР генерал-майору интендантской службы Берензону от 26.06.1945 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 23а, д. 2, л. 154; д. 3, л. 141). Авторы анализа внесли следующие предложения: запретить использование военнопленных 1 и 2 категорий на внутрिलाгерных работах; «заинтересовать» санчасть шкалой поощрения за выполнение и перевыполнение производственных заданий; предоставить производственным отделам право распоряжаться трудовым фондом и обязать их при этом нести ответственность за правильность его использования; обязать хозорганы оплачивать трудозатраты по человеко-дням и, разумееется, усилить финансовый контроль (РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 3и, д. 1, л. 73–73об.).

¹⁴ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 4и, д. 17, л. 1–9об.

¹⁵ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 4и, д. 15, л. 17. Но в июне 1946 г. эта доля была почти в 1,5 раза выше и составляла 88,7% (РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 4и, д. 16, л. 21–21об.).

¹⁶ При этом во II и III кварталах 1946 г. (то есть в теплое время года) самокупаемость, по данным ГУПВИ, была достигнута (102,9 и 109,3%). См. в справках о работе ГУПВИ от 15.01.1947 и 01.04.1947, подготовленных зам. начальника ГУПВИ генерал-майором Ратушным (РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 23а, д. 2, л. 154; д. 3, л. 141).

¹⁷ См.: Чухин, 1995, с. 22, 23. Начиная с 1948 г. разрешался перевод заработной платы на родину.

К 1 мая 1945 года в СССР находилось 288 459 интернированных гражданских лиц¹⁸. В конце августа 1945 года ГКО вновь вернулся к вопросу об интернированных немцах¹⁹. Из того, что основные предписания предназначались только Наркомуглю, Наркомчер-и Наркомцветмету, можно было заключить, что предусмотренное апрельскими постановлениями существенное расширение ведомственного круга потребителей «вест-арбайтерского» труда, осталось скорее всего на бумаге. Этим же трем ведомствам приказывалось — в месячный срок — «устранить все недочеты в содержании и коммунально-бытовом обслуживании интернированных». А именно — обеспечить их обмундированием, обувью и бельем, снабдить культимуществом, газетами и киносеансами, организовать ларьки для продажи им ширпотреба, а также укомплектовать вахтерские команды (из расчета один вахтер на 30 чел. интернированных). Наркомздрав же обязывался обеспечить их медицинское обслуживание и снабжение медикаментами, а НКВД — отправить в организованном порядке до 25 тыс. чел. нетрудоспособных²⁰ в Германию²¹.

Однако со временем положение едва ли изменилось, о чем косвенно сигнализирует Постановление СМ СССР от 7 мая 1948 года²². Уже из его названия — «Об улучшении условий содержания и трудового использования интернированных немцев» — явствует, что круг наболевших проблем остался прежним. 17 союзным министерствам и СМ БССР строго предписывалось создать нормальные жилищно-бытовые условия содержания в рабочих батальонах интернированных (по норме не менее 2 кв. м полезной жилой площади на 1 чел.), отремонтировать, оборудовать и утеплить жилые помещения, навести санитарный порядок на территории, организовать санитарное, лечебное и медико-профилактическое обслуживание интернированных, в том числе обеспечить гос-

¹⁸ См.: «Справка о распределении контингента интернированных, мобилизованных и арестованных немцев по республикам и областям» на 1.05.1945 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 3и, д. 70, л. 1, 1а). Интересно, что в этом документе проводится различие между интернированными (108 940 чел.), мобилизованными (77 741 чел.) и арестованными (101 778). В аналогичных справках на 1.06.1945 и на 1.08.1945 такого различия уже нет: вместо него — две более привычные градации: «интернированные» (вобравшая в себя и «мобилизованных») и «арестованные» ((РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 3и, д. 71, л. 1а, 1б, 1в; д. 72, л. 1а, 1б, 1в).

¹⁹ Постановление ГКО № 9959сс от 30.08.1945 «Об улучшении условий содержания и трудового использования интернированных немцев, занятых на работах в промышленности» (АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 501, л. 169–171; РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 7, л. 1–3).

²⁰ То есть лиц старше 50 лет, больных неизлечимыми недугами, инвалидов, беременных женщин и женщин с грудными детьми.

²¹ Спустя еще почти что год (18.06.1946) практически те же самые мероприятия — отбор в лагеря и госпитали инвалидов, стариков и других длительно нетрудоспособных — был распространен и на находящихся в СССР военнопленных немецкой и других западных национальностей (чином на момент пленения не старше капитана). К 15 октября 1946 г. предлагалось осуществить их отправку в Советскую зону оккупации Германии, а также, по договоренности с соответствующими правительствами, в Австрию, Румынию и Венгрию в количестве до 150 тыс. чел. (см. подписанное Сталиным и Чадаевым Постановление Совета Министров СССР № 1263-519сс от 18.06.1946 «Об отправке на родину больных и нетрудоспособных военнопленных немецкой и других западных национальностей» // АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 502, л. 51, 52).

²² Постановление № 1492-572сс от 7.05.1948 «Об улучшении условий содержания и трудового использования интернированных немцев» (АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 503, л. 75–78).

питализацию до 1 июля 1948 года 5 тыс. чел. в спецгоспиталях для военнопленных. Для восстановления физического состояния ослабленных разрешалось привлекать их в весенне-летний период только к легким полевым и огородным работам в подсобных хозяйствах. Последний пункт этого постановления разрешал министерствам, по согласованию с МВД СССР, переводить на вольнонаемное положение тех интернированных из числа квалифицированных специалистов, которые пожелали бы остаться на работе в СССР.

Начало репатриации интернированных и рецидивы «репараций трудом»

Тем не менее уже в 1945 году фактически началась репатриация интернированных. Примечательно, что по крайней мере в 1945 (а по некоторым сведениям, и в 1946 году) Румыния отказывалась принимать назад своих бывших немецких граждан. Вот что вспоминала Э. Кляйн, репатриировавшаяся практически в числе первых — в конце ноября 1945 года, но попавшая из СССР не в Румынию, а в Германию:

«28 ноября вагон тронулся, и нас обуяла надежда, что это Рождество мы будем праздновать дома. Сколь же огромным было разочарование, когда мы заметили, что поезд следует не на запад в направлении Румынии, а на север — через Киев на Брест-Литовск и далее на Варшаву, Позен (Познань) и Франкфурт-на-Одере. После дезинфекции нас повезли — в пассажирских вагонах, с окнами без стекол — в Нойштадт-Орла в Тюрингии. Там нас продержали три недели в карантине.

Разместили нас в пустом фабричном цехе, здесь — а не дома, с нашими любимыми — мы и встретили Рождество. Между тем мы получили наши удостоверения об освобождении и стали свободны, и в то же время — в середине суровой зимы — и беспомощны перед своей судьбой. Когда еще мы увидим наших близких — этого не знал никто. Говорили, что румынское государство не хотело нашего возвращения».

Только за период с января по декабрь 1945 года на родину было отправлено 36 039 чел., в том числе 10 615 поляков²³. Помимо репатриации, крайне высокими были и иные виды «потерь» среди интернированных: так, в 1945 году, по данным В. Конасова и А. Терещука, умерли или стали инвалидами 75 543, а в 1946 году — 35 485 интернированных²⁴.

²³ РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 3и, д. 3, л. 1, 2. Полякам были посвящены директива НКВД–МВД «О вывозе поляков» за № 1925 от 26.06.1945 и приказ «Об освобождении интернированных поляков — польских граждан» за № 001301 от 29.10.1945 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 15а, д. 3, л. 275, 275об.).

²⁴ Конасов, Терещук, 1994, с. 320, со ссылками на: РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 34ф, д. 8, л. 13, 14. В справке генерал-майора Ратушного от 15.01.1947 говорится о 66 659 умерших и о 75 843 освобожденных интернированных, в другом месте справке — о 26 576 освобожденных (РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 23а, д. 2, л. 163, 164).

В 1946 году репатриация интернированных продолжилась²⁵. Директива МВД-НКВД за № 110 от 30 апреля 1946 года предписывала выявить в лагерях, спецгоспиталях и рабочих батальонах МВД и Министерства вооруженных сил и репатриировать всех евреев зарубежного подданства (в основном, это были, по-видимому, граждане Польши)²⁶.

В Постановлении СМ СССР № 1653-726сс от 27 июля 1946 года «Об отправке в Германию нетрудоспособных интернированных немцев» МВД СССР давалось разрешение на отправку на родину до 21 тыс. чел. из их числа²⁷. Передачу интернированных предписывалось произвести: немцев, независимо от подданства (!)²⁸, — через лагерь № 69 во Франкфурте-на-Одере, венгров и австрийцев, подданных Венгрии и Австрии, — через лагерь № 36 (Сигет) и румын, подданных Румынии, — через лагерь № 176 (Фокшаны)²⁹; подданных Польши обслуживал лагерь в Бресте.

Осенью голодного 1946 года был сокращен суточный рацион питания военнопленных и интернированных, что усугубило и без того плачевное их физическое состояние. Доля трудоспособных все время таяла.

Одним из основных движущих мотивов репатриации, надо полагать, как раз и было нежелание кормить нахлебников. Но тот же самый фактор, как известно, давил на советские органы и в самой Германии³⁰.

²⁵ Постановление СМ СССР № 1253-726сс от 18 июня 1946 г. предусматривало отправку к 15 октября на родину и до 150 тыс. военнопленных (АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 502, л. 51, 52; РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 8, л. 1, 2).

²⁶ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 15а, д. 3, л. 275.

²⁷ АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 502, л. 55 (др. экз-р; РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 9, л. 1). Это постановление отчасти повторяет текст Постановления ГКО № 9959сс от 30.08.1945, предусматривавшего отправку в Германию до 25 тыс. интернированных. Согласно Постановлению СМ СССР № 1263-519сс «Об отправке на родину больных и нетрудоспособных военнопленных немецкой и других западных национальностей» от 12.06.1946, согласно которому уже к 12.07.1946 МВД было предложено репатриировать 20 800 нетрудоспособных интернированных немцев, занятых в угольной промышленности (ГАРФ, ф. 9401, оп. 16, д. 148, л. 311–316). А в конце июля появился новый блок документов по этому вопросу — Постановление СМ СССР № 1653-726сс от 27.07.1946, Приказ МВД № 00601 от 27.07.1946 и Приказ МВД № 00731 от 31.07.1946 «Об отправке в Германию нетрудоспособных интернированных немцев, содержащихся в рабочих батальонах», приписанных к Минобороны.

²⁸ Это «независимо от подданства» для немцев из Румынии, собственно говоря, и означало отказ в праве на репатриацию, или, иными словами, отлучение их от родины.

²⁹ См. Приказ МВД СССР № 00731 от 31.07.1946 «Об отправке в Германию нетрудоспособных интернированных немцев, содержащихся в рабочих батальонах» (ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 1с, д. 205, л. 318, 319).

³⁰ Так, 12.10.1946 Контрольным Советом (с участием заместителя Главного начальника СВАГ генерал-полковника Курочкина) была утверждена директива № 38 «Об аресте и наказании немецких преступников», более известная как Директива о денацификации. Она подтверждала тюремный режим для главных нацистских преступников и предусматривала освобождение и пребывание на свободе (с испытательным сроком до 3 лет) преступников второстепенных. По состоянию на 1 октября 1946 г., в тюрьмах и лагерях МВД—МГБ на территории Германии содержалось более 80 тыс. чел., из которых до 35 тыс. подпадало под категорию «второстепенных». В связи с чем Главной начальствующий СВАГ маршал Соколовский и генерал-полковник Серов в обращении в Совмин на имя Сталина и Берии испрашивали согласия на их аттестацию специальной комиссией МВД—КГБ с последующим выпуском из лагерей (АПРФ, ф. 3, оп. 64, д. 805, л. 1–3; см. др. экз-р: РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 11, л. 1–3). Тем не менее аналогичный вопрос не раз ставился и позднее. Так, в письме № 3421 от 29.11.1947 на имя Сталина (Совмин) и А. А. Кузнецова (ЦК ВКП(б) министр госбезопасности СССР

Однако к концу 1946 года положение в очередной раз переменялось, и поток рабочей силы в СССР из Германии на короткое время снова стал **двусторонним**. Так, Постановление СМ СССР № 2728-1124сс от 23 декабря 1946 года «О вывозе из Германии немцев, содержащихся в тюрьмах и лагерях» обязывало СВАГ и МВД СССР из 60 580 узников спецлагерей и тюрем МВД СССР на востоке Германии отобрать 27 500 работоспособных мужчин и направить их для использования на предприятиях Министерства угольной промышленности восточных районов СССР (15 500 чел. — в Кузбассе, Караганде и в Кизеле на Урале) и Министерства строительства топливных предприятий СССР (12 тыс. чел. — там же, кроме того в Челябинской области, Узбекской ССР и Гурьевской области в Казахстане). Взамен ввозимых МВД отправляло на родину такое же число непригодных к труду немецких военнопленных и интернированных. Перевозки в обоих направлениях предлагалось осуществить в течение января-февраля 1947 года³¹. Однако лиц, годных к физическому труду, в германских лагерях набралось всего 4579 чел., и их отправили в СССР³².

В то же время еще несколько сотен гражданских немцев, с санкции Серова, в октябре 1946 года были переброшены из Германии в СССР: речь идет о высококлассных специалистах в области авиационной промышленности, вывезенных в СССР из Дессау, Галле и других мест в восточной Германии для продолжения совместных с советскими специалистами проектно-конструкторских работ. Пунктами их назначения были номерные заводы и лаборатории Минавиапрома в поселках Управленческий под Куйбышевым, Подберезье³³ и Савелово в Калининской области, Тушино и Химки под Москвой, где

Абакумов ставил вопрос об освобождении около 20 тыс. из числа 60 580 чел., арестованных в свое время в порядке очистки тыла Красной Армии и содержащихся в спецлагерях МВД на территории Германии. С этим же к Молотову как заместителю Предсовмина обращались 4.12.1947 и другие высшие чины МГБ — С. Круглов и С. Огольцов. 29.12.1947 аналогичное письмо на имя Молотова направила и Прокуратура СССР (К. Горшенин), писавший, кроме того, о массовых заявлениях родственников содержащихся в спецлагерях МВД (*ГАРФ, ф. 8131, оп. 27, д. 3414, л. 167, 167об.*). Окончательное решение по этому вопросу тем не менее было принято только спустя несколько месяцев. Постановлением СМ СССР № 702-223сс от 8.03.1948 «О пересмотре дел немецких граждан, содержащихся под стражей в советской зоне оккупации Германии» (*АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 502, л. 71, 72*) была создана соответствующая Комиссия в составе тт. Ковальчука (председатель), Малькова и Шавера. Итогом работы комиссии стало решение об освобождении 27 749 чел., зафиксированное Постановлением № 2386-991сс от 30.06.1948 «Об освобождении немецких граждан, содержащихся под стражей в советской зоне оккупации Германии» (*АПРФ, ф. 3, оп. 64, д. 805, л. 4*).

³¹ См. приказ МВД № 001196 от 26.12.1945 (*ГАРФ, ф. 9401, оп. 16 д. 148, л. 311–316*). См. также: *АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 502, л. 77–79*. Интересно, что репатриация на «компенсационной основе» практиковалась и на Дальнем Востоке: так, приказ НКВД—МВД № 00385 от 4.05.1946 предусматривал вывоз из лагерей МВД в Корею 20 тыс. больных японских военнопленных одновременно с завозом из Кореи в лагерь МВД 20 тыс. здоровых (*РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 15а, д. 3, л. 275*).

³² См. в письме Круглова Огольцову от 4.09.1947 (*РГАНИ, ф. 89, оп. 18, д. 13, л. 1, 2*). См. также: *Sowjetische Speziallager in Deutschland. 1945 bis 1950 / Hrsg. Mironenko S., Niethammer L., von Plato A. — Berlin: Akademie Verlag, 1998. S. 228, 229. (Studien und Berichte, Bd.1).*

³³ В 1958 г. рабочий поселок Подберезье был передан из Калининской обл. в Московскую и преобразован в г. Ивановское; в 1960 г. Ивановское был присоединен к г. Дубна.

для них были созданы приличные рабочие и бытовые условия. Эти работы были возобновлены уже в ноябре-декабре 1946 года и продолжались до 1948 года, после чего их начали постепенно сворачивать.

Нечто похожее проделали и примерно со 150 немецкими ракетчиками во главе с профессором Гертруппом; их объект размещался на острове Городомля — самом большом на озере Селигер. Возможность репатрироваться появилась у немецких специалистов гораздо позже, чем у «просто» репатрированных: у ракетостроителей — в 1951–1953 гг., а у авиастроителей — и того позже, в 1953–1954 гг.³⁴

Постановлением СМ СССР от 6 ноября 1947 года в СССР должны были быть вывезены немецкие специалисты, до этого работавшие в восточной зоне Германии в Бюро Ан-типина в г. Бланкенбург, специализировавшемся на строительстве подводных лодок. Вскоре, однако, выяснилось, что 13 из 17 намеченных к вывозу специалистов проживают в Западном Берлине и их насильственный вывоз затруднителен³⁵.

Заметим попутно, что незаурядные специалисты встречались и среди «обычных» интернированных немцев, не говоря уже о военнопленных. Находясь в лагерях, они сделали немало ценных рационализаторских предложений. Так, например, инженер Альберт Друк разработал прибор для определения ускорения торпед, а Алоиз Вебер внес лепту в разработку темы «Превращение электрической энергии в лучи».³⁶

Все же сама идея продолжения «репараций трудом» отмерла не сразу. Только 28 сентября 1949 года ЦК ВКП(б), в ответ на просьбу В. Пика, О. Гротевоя и В. Ульбрихта, изложенную в их письме Сталину от 19 сентября 1949 года, признал нецелесообразной саму практику отправки в СССР немцев, осужденных советскими военными трибуналами в Германии, для отбытия наказания в СССР. Одновременно начальнику советской Контрольной комиссии Чуйкову было предложено в 10-дневный срок представить в ЦК предложения о возможности освобождения части заключенных в лагерях и о передаче остальных заключенных немецким властям³⁷.

Решением ЦК ВКП(б) от 31 октября 1949 года была создана комиссия из представителей МГБ, МВД и Прокуратуры СССР (тт. Едунов, Соколов и Шавер), которой предстояло рассматривать дела осужденных и неосужденных немцев, содержащихся в тюрьмах и спецлагерях МВД СССР, на предмет передачи этих лиц немецким властям, а также ликвидации спецлагерей МВД в Германии³⁸. Результаты работы этой комиссии были

³⁴ См.: Воронков Ю., Зрелов В., Кувшинов С., Михельс Ю. Германские авиационные специалисты в СССР. Судьба и работа. 1945–1954. — М., 1996, с. 46–49. См. также: Коновалов Б. У советских ракетных триумфов было немецкое начало // Известия. 1992, март, №№ 54–59. Стоит отметить, что и среди «обычных» интернированных немцев (как и среди военнопленных) было немало высококлассных научных специалистов. В специальной справке, подписанной 1-м зам. нач. ГУПВИ генерал-лейтенантом А. Кобуловым 6.01.1949, наряду с более многочисленными военнопленными, упоминаются и интернированные — инженер А. Друк (РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 37а, д. 3, л. 123–127).

³⁵ ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 171, л. 406, 407.

³⁶ ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 201, л. 255–259.

³⁷ АПРФ, ф. 3, оп. 64, д. 805, л. 9.

³⁸ АПРФ, ф. 3, оп. 64, д. 805, л. 10–14.

представлены Сталину, Молотову, Берии и Маленкову 27 декабря 1949 года, и уже 30 декабря 1949 года было принято соответствующее решение Политбюро ВКП(б). В нем, в частности, было постановлено ликвидировать к 15 марта 1950 года спецлагеря МВД СССР в Бухенвальде и Заксенхаузене и передать властям ГДР тюрьму в г. Баутцен. Относительно же их узников решили так: 15 038 немцев, из которых 9634 чел. неосужденные и 5404 чел. осуждены за малозначимые проступки, — освободить (то же распространялось на 126 иностранноподданных); 13 945 немцев — передать МВД ГДР, в том числе 10 513 чел. — для дальнейшего содержания в тюрьмах и 3432 чел. — для дальнейшего расследования и предания суду. В ведении МВД СССР в Германии оставлялось 649 немцев, из них 58 чел., осужденных за особо опасные преступления, подлежали депортации в лагерь МВД в СССР³⁹.

17 ноября 1952 года Председатель СКК по Германии Семичастнов и политсоветник Семенов, отзываясь на просьбу руководства ГДР, предложили рассмотреть в порядке прокурорского надзора 5063 дел осужденных немецких граждан⁴⁰.

5 февраля 1953 года — всего за месяц до смерти Сталина — Бюро Президиума ЦК КПСС рассмотрело вопрос об организации специальных лагерей для содержания немцев, австрийцев и других иностранцев, осужденных военными трибуналами групп Советских оккупационных войск в Германии и Австрии⁴¹. Величина соответствующего контингента составляла 5337 чел., из них 4523 немцев, 649 австрийцев и 160 прочих. В письме М. Сулова, С. Игнатьева и И. Серова на имя Г. М. Маленкова от 17 февраля 1953 года предлагалось организовать и в течение шести месяцев укомплектовать четыре спецлагеря МВД СССР для иностранцев указанной категории (два — в Коми АССР и по одному — в Казахстане и Иркутской области)⁴²; на территорию СССР впредь вывозились бы лишь те иностранные граждане, которых осудили за шпионаж, террор, диверсии и другие особо тяжкие преступления против СССР.

Продолжение и завершение репатриации

Постановлением СМ СССР № 1731-426с от 26 мая 1947 года проведение репатриации военнопленных и интернированных было поручено Уполномоченному по делам репатриации при СМ СССР. В сентябре 1947 года, с целью усиления контроля репатрируемых на границах СССР, в Бресте, Коломые и Унгенах были созданы отделения по репатриации военнопленных и интернированных в составе МВД БССР, УССР и Молд. ССР⁴³.

³⁹ См. письмо Абакумова, Круглова и Сафонова Сталину и Выписку № П72/100 заседания Политбюро от 30.12.1949 (АПРФ, ф. 3, оп. 64, д. 805, л. 20–23).

⁴⁰ Письмо Я. Малика Г. Маленкову от 30.11.1952 (АПРФ, ф. 3, оп. 52, д. 92, л. 131–133).

⁴¹ АПРФ, ф. 3, оп. 64, д. 805, л. 223, 224, 228–230.

⁴² За год до истечения срока наказания их рекомендовалось переводить в тюрьмы и лагеря на территории ГДР.

⁴³ Приказ № 00944 от 5.09.1947 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 37а, д. 3, л. 123–127).

В 1947 году планировалось репатриировать 26 900 чел. интернированных, но затем эта цифра была пересмотрена в сторону увеличения⁴⁴. Всего же за 1947 год было репатриировано 550 524 военнопленных и интернированных⁴⁵.

При этом, как подчеркивал новый начальник ГУПВИ генерал-лейтенант Филиппов в своей директиве от 8 декабря 1947 года (излагающей указания Министра внутренних дел СССР Круглова), «работа с контингентом» вступила в завершающий и решающий этап. С определением сроков репатриации она приобрела заостренно политический характер, что предъявляло повышенные требования как к условиям содержания «контингента», к его физическому состоянию, так и к политработе с ним: положение обязывало к проявлениям «бдительности» и «повышению настороженности» с целью недопущения выпуска преступников и «явных врагов». Много стрел выпустил министр по адресу местных органов власти и хозорганов, взаимодействие с которыми, видимо, стало со временем чрезмерно тесным: несколько раз указывалось на неподведомственность им — и мало того: на закрытость! — лагерей и лаготделений ГУПВИ для местных властей⁴⁶.

23 декабря 1947 года вышло распоряжение СМ СССР № 19064сс о репатриации больных и малорабатоспособных интернированных немцев⁴⁷. Репатриация должна была начаться с марта 1948 года, ей подлежали 17 514 чел., в том числе 14 116 чел. румынских граждан немецкой национальности. Однако, по настоянию МИД (6 марта), их репатриация была задержана вплоть до особого указания, которого в течение последующих трех месяцев так и не последовало. После согласования вопроса с румынским правительством МИД снял свои возражения, а Молотов обратился к Сталину (4.06.1948) с просьбой утвердить решение о репатриации в Румынию интернированных немцев — румынских граждан.

Возможно, что указанная задержка с репатриацией была связана с телеграммой В. Соколовского и А. Кобулова, требовавшей передать 50 тыс. военнопленных немцев из числа румынских и чехословацких граждан в распоряжение акционерного общества «Висмут» в Германии (для работы на Яхимовских урановых рудниках в Чехии). С. Н. Круглов (в то время глава МВД СССР) и Б. Л. Ванников (начальник 1-го Главного управления при СМ СССР, отвечавшего за разработку атомного оружия) 20 марта 1948 года сообщили Берии о количестве находившихся в лагерях МВД трудоспособных немцев негерманского подданства (военнопленных — 14 759 и интернированных — 24 481 чел., из

⁴⁴ Постановления СМ СССР № 413-137сс от 4.03.1947 («Об отправке в Германию нетрудоспособных немцев, работающих на предприятиях черной металлургии»: затрагивало 6680 интернированных и мобилизованных), № 1022-305сс от 14.03.1947 («Об отправке на родину нетрудоспособных военнопленных и интернированных, работающих на предприятиях угольной промышленности западных районов»: затрагивало 18 тыс. чел., в том числе 5 тыс. интернированных), № 1521-402с от 13.05.1947, № 1571-414сс от 16.05.1947 («Об отправке в Германию нетрудоспособных военнопленных бывшей германской армии и интернированных немцев»), № 1731-462с от 26.05.1947 и № 3545-1167сс от 11.10.1947 («О репатриации 100 тысяч военнопленных немцев»).

⁴⁵ РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 23а, д. 3, л. 186, 187.

⁴⁶ РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 23а, д. 3, л. 178–185.

⁴⁷ См. в письме Молотова Сталину от 4.06.1948 (АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 503, л. 79). Текст самого распоряжения мы не располагаем.

них 14 948 женщин⁴⁸) и о своем согласии на их передачу обществу «Висмут», при условии их вербовки на работу в яхимовских рудниках сроком не менее 3 лет.

Вскоре после этого — 7 мая 1948 года — вышло еще одно Постановление СМ СССР об улучшении условий содержания и трудового использования интернированных немцев⁴⁹. Многочисленным министерствам, перечисленным в преамбуле, в сущности рекомендовалось не более чем придерживаться давно установленных (и, видимо, редко соблюдаемых) правил и инструкций. Новым было разве что указание выплатить интернированным компенсацию за неиспользованный отпуск за первый год работы, а также разрешение переводить на положение вольнонаемных рабочих тех интернированных из числа высококвалифицированных специалистов, кто пожелает остаться работать в СССР.

В марте 1947 года в ГУПВИ находилось 107 468 интернированных, в том числе 60 498 мужчин и 46 970 женщин. Число арестованных (то есть интернированных группы «Б») составляло в это время 14 327 чел.⁵⁰

По данным на 15 мая 1948 года насчитывалось 55 287 интернированных, сведенных в 98 рабочих батальонов, распределенных между министерствами. По своему физическому состоянию интернированные уступали военнопленным (см. табл. 16).

Таблица 16. Физическое состояние военнопленных и интернированных (по градациям трудоспособности в %; на 15 мая 1948 года)

Градации трудоспособности	Военнопленные	Интернированные группы «Г»	Интернированные группы «Б»
1 группа	35,9	39,7	14,4
2 группа	37,5	30,9	26,7
3 группа	12,6	14,8	14,2
Инвалиды	0,7	1,8	4,3
Ослабленные	5,2	н.д.	7,0
Лазаретно-больные	6,9	3,4	9,3
Группа не установлена	1,1	9,4	24,1
Всего	100,0	100,0	100,0

Источник: РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 23а, д. 4, л. 7–8.

⁴⁸ По странам интернированные распределялись так: Румыния — 21 042, Югославия — 2991, Польша — 343 и Чехословакия — 105 чел. (Конасов, Терещук, 1994, с. 331, 332, со ссылкой на: РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 24е, д. б, л. 87).

⁴⁹ ПСМ № 1492-572сс (РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 22, л. 1, 2).

⁵⁰ См. в «Приемно-сдаточном акте» от 2.04.1947 о передаче генерал-лейтенантом М. С. Кривенко генерал-лейтенанту Т. Ф. Филиппову 12.03.1947 должности начальника ГУПВИ (РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 23а, д. 3, л. 115).

Однако если различия между военнопленными и интернированными группы «Г» и не слишком велики, то физическое состояние интернированных группы «Б» было особенно неблагоприятным.

Физическое состояние немецких военнопленных в 1948 году заметно ухудшилось, что отчасти было связано с объявлением в советской печати в марте 1947 года о завершении их репатриации уже в 1948 году. Это привело к тому, что хозорганы, где они трудились, начали заблаговременно вербовать на их места кадровую рабочую силу. Самих же военнопленных в течение 1948 года переводили на трудоемкие, вспомогательно-подсобные и низкооплачиваемые работы, на которых они очень быстро физически истощались. Этому же способствовали и исчерпание запасов нового трофейного обмундирования, и — в особенности — переброска осенью 1947 года 150 тыс. военнопленных на новые, социально неподготовленные объекты Минуглепрома, Минтяжпрома и Главнефтегазстроя⁵¹ (тем самым военнопленные были поставлены в те же самые невыигрышные условия, в которых с самого начала находились интернированные немцы). Всего же в течение 1948 года было репатрировано 646 281 военнопленных и 29 177 гражданских интернированных⁵².

По постановлению СМ СССР № 1492-572сс от 6 августа 1949 года «О репатриации в 1949 году интернированных немцев и лиц других национальностей»⁵³, за октябрь-декабрь планировалось репатриировать около 38 тыс. интернированных, из них более половины — через Сигет⁵⁴.

В целом же завершение репатриации всех военнопленных и интернированных планировалось на декабрь 1949 года, в связи с чем во все региональные управления МВД было разослано распоряжение заместителя министра генерал-полковника И. Серова № 744 от 28 ноября 1949 года о проверке их неучтенного наличия: осужденные и подследственные не подлежали проверке, беглые при этом продолжали числиться в розыске и разыскиваться, а находившиеся на поселении по спецразрешениям задержанию не подлежали⁵⁵.

Наиболее полные и как бы итоговые сведения об интернированных содержатся в справке о них по состоянию на 20 декабря 1949 года, подписанной начальником ГУПВИ генерал-лейтенантом И. Петровым⁵⁶. Они сведены нами в нижеследующую табл. 17.

⁵¹ См. «Доклад о работе 1-го Управления ГУПВИ МВД СССР за 1948 год и основных задачах на 1949 год» от 26.02.1949, за подписью полковника И. Денисова (*РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 23а, д. 4, л. 149–170*).

⁵² См. в докладе зам. начальника 1-го Управления ГУПВИ полковника И. Денисова от 26.02.1949 *РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 23а, д. 4, л. 161*). См. также письмо Голикова Молотову от 29.12.1948 (*ГАРФ, ф. 9526, оп. 5, д. 49, л. 155*). Ср. также информацию о том, что за первые семь месяцев 1948 г. только через лагерь во Франкфурте-на-Одере прошло более 211,4 тыс. чел., в их числе интернированных — всего 3,8 тыс. чел. (*ГАРФ, ф. 9526, оп. 5, д. 48, л. 191–217*).

⁵³ См. также приказ МВД № 00770 от 13.08.1949 (*ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 1с, д. 205, т.17, л. 178–181*).

⁵⁴ См. в письме начальника ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенанта Филиппова Вр. и. о. Уполномоченного СМ СССР по делам репатриации полковнику Н. А. Филатову от 20.09.1949 (*ГАРФ, ф. Р-9526, оп. б, д. 57, т.17, л. 186*).

⁵⁵ *ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 1с, д. 205, т.17, л. 215–218*.

⁵⁶ *РГВА/ГУПВИ, ф. 1а, оп. 01е, д. 81, л. 20*. Ср. в отчете Круглова Сталину, Молотову и другим членам Политбюро об итогах работы с военнопленными и интернированными за 1941–1949 гг. от

Таблица 17. Характеристика интернированных, на 20.12.1949 (по категориям)

		Группа «Г» (мобилизованные)	Группа «Б» (арестованные)	Японцы	Поляки «Армии Крайовой»	Всего
1. Учено всего	тыс. чел. %	205 520 72,2	66 152 23,2	5 554 2,0	7 448 2,6	284 674 100,0
2. Репатрировано в 1945–1949 гг.	тыс. чел. %	164 521 77,5	36 943 17,4	3 968 1,8	6 942 3,3	212 374 100,0
3. Умерло и прочие убытия*	тыс. чел. %	40 737 60,7	25 719 38,3	119 0,2	506 0,8	67 081 100,0
4. Содержится, на 1.01.1950	тыс. чел. %	271 5,2	3 481 66,7	1 467 28,1	– –	5 219 100,0

Примечание. * — Под «прочими убытиями» здесь понимаются: убитые при побегах, утонувшие или покончившие жизнь самоубийством (9 чел., все из группы «Г»).

Источник: РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 01е, д. 81, л. 20–21.

Итак, среди 285 тыс. лиц, находившихся в СССР со статусом «интернированные», немцы-«вестарбайтеры» были не единственным, хотя количественно и доминирующим контингентом. Его общая численность составила около 272 тыс. чел.⁵⁷ Смертность была более чем значительной — от 19,2% среди «мобилизованных» и до 38,9% среди «арестованных» интернированных (ср. с 6,8% у поляков из «Армии Крайовой» и с 2,1% у японцев). В общей сложности в СССР умерло около 66,5 тыс. немецких интернированных⁵⁸.

24.05.1950. В частности, он привел несколько большую, по сравнению с данными на 20.12.1949, цифру репатрированных интернированных: 214 924 чел. (ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 269, л. 319). Между тем, согласно «Справке о сравнительных данных о количестве освобожденных военнопленных и интернированных по статучету и данным имеющихся документов, подтверждающих передачу (акты, списки, расписки) по состоянию на 1.07.1950» отмечается существенное — на 34 833 чел. — расхождение между первыми (209 508 чел.) и вторыми (174 675 чел.) для так называемых «западных национальностей» (РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 01е, д. 81, л. 153).

⁵⁷ Что, впрочем, составляет немногим более 3,4% от общего числа немцев (7,95 млн), выселенных или переселенных в военное и послевоенное время (Die deutschen Vertreibungsverluste. Bevölkerungsbilanzen für die deutschen Vertreibungsgebiete 1939/50. Wiesbaden, 1958, s. 44).

⁵⁸ По немецким данным (на сентябрь 1950 г.), число интернированных «фольксдойче», пропавших без вести в СССР, составляло самое меньшее 39 тыс. чел. (Die deutschen Vertreibungsverluste.

Продолжение и завершение репатриации

К 1950 году трудовой потенциал интернированных был практически исчерпан, о чем лучше всего говорит и практическое завершение их репатриации. Среди тех, относительно которых вопрос о репатриации еще не был решен, явно преобладали «карестованные» интернированные; естественно, среди них гораздо выше была и доля осужденных, в том числе военных преступников⁵⁹.

17 января 1951 года датирована еще одна подписанная Петровым справка, посвященная интернированным. Она показывает погодичный ход репатриации 213 418 интернированных за 1945–1949 гг. в разрезе их гражданства (см. табл. 18).

Таблица 18. Репатриация интернированных в 1945–1949 гг.
(чел.; по странам)

Страны	Освобождено и репатрировано (чел.)					Всего
	1945	1946	1947	1948	1949	
Германия	32 867	10 526	11 051	11 802	11 446	77 692
Румыния	9 064	10 639	9 126	11 439	20 804	61 072
Венгрия	3 991	4 860	12 082	3 999	4 169	29 101
Польша	15 490	6 032	4 974	767	740	28 003
Югославия	1 001	1 857	2 506	1 062	2 608	9 034
Япония	–	740	2 210	347	1 715	5 012
Чехословакия	876	666	372	248	216	2 378
Австрия	13	42	69	27	48	219
Болгария и др. страны	161	472	182	112	–	927
Итого	63 463	35 834	45 572	29 803	41 745	213 418

Источник: РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 01е, д. 81, л. 24.

Обращает на себя массовая репатриация «рейхсдойче» в 1945 году (практически это были возвратные партии), а также венгерских немцев — в 1947 и румынских — в 1949 годах.

Bevölkerungsbilanzen für die deutschen Vertreibungsgebiete 1939/50. Wiesbaden, 1958, s. 44), что весьма правдоподобно.

⁵⁹ Из 3692 оставшихся в СССР, по состоянию на 25.01.1950, интернированных большинство из них (2953) содержалось в лагерях и спецгоспиталях МВД, 580 было осуждено Военными трибуналами на территории Восточной Германии, а 141 — на территории СССР; еще 18 чел. подследственных содержались в тюрьмах МВД (РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 01е, д. 81, л. 80).

Несколько иную статистику содержат документы Отдела репатриации и розыска советских граждан Управления делами СКК в Германии. Основным местом прибытия немецких репатриантов и передачи их немецким властям был лагерь № 69 в Грюнефельде близ Франкфурта-на-Одере, расформированный одним из последних, начиная с 1 июня 1950 года. За период с 1 июня 1946 по 3 мая 1950 гг. через него прошло 1 222 819 чел., из них 1 195 987 военнопленных и 32 832 интернированных, всего 20 чел. умерло непосредственно в лагере или в пути следования. Более половины интернированных осело в советской зоне, остальные распределились между американской и английской зонами.⁶⁰

По состоянию на 25 января 1950 года, в СССР содержалось 3692 интернированных, в том числе 2985 чел. в лагерях и госпиталях, а остальные, по-видимому, в тюрьмах⁶¹. Данные на 15 июля 1950 года оперируют только интернированными немцами: их общее число составляло 271 672 чел. Из них интернированными-мобилизованными группы «Г», завезенными в СССР по Постановлению ГКО от 29 декабря 1944 года, значились 111 831 чел., а интернированными-арестованными группы «Б» — 159 841 чел., в том числе 155 262 завезенных по Постановлению ГКО от 3 февраля 1944 года и 4579 по Постановлению СМ СССР от 23 декабря 1946 года. Из них было репатрировано 202 720, умерло 66 468 и удерживалось в СССР — 1385 чел.⁶²

Тут следует сделать очередную статистическую «оговорку». Быть освобожденным из ГУПВИ и быть практически репатрированным — даже статистически не одно и то же. Соответствующее сличение, произведенное ГУПВИ, показывало, что расхождение между данными статучета и документами сдачи-приемки репатрированных составляло: по военнопленным бывших западных армий — всего 2759 чел. (или 0,1% при 2 643 263 учтенных освобожденных), по военнопленным бывшей японской армии — 8260 чел. (или 1,4% при 574 718 учтенных освобожденных), тогда как по интернированным западным национальностям — 34 867 чел. (или 16,7% при 208 406 учтенных освобожденных)⁶³. Аналогичное сличение, проведенное по данным на 1 июля 1950 года, принесло практически те же самые результаты⁶⁴.

По состоянию на 1 января 1951 года, в СССР все еще содержалось 2656 осужденных интернированных (как немцев, так и японцев), сконцентрированных в лагерях в Сверд-

⁶⁰ ГАРФ, ф. 7317, оп. 20, д. 5, л. 70–72.

⁶¹ Из них 580 чел. были осуждены Военными трибуналами на оккупированной территории Германии, 141 чел. — осуждены в СССР, а 18 чел. находились под следствием. См. «Справку о количестве интернированных, содержащихся в лагерях и тюрьмах МВД» по состоянию на 25.01.1950 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1а, оп. 01е, д. 81, л. 80–86).

⁶² Из этих 1385 чел. неосужденными являлись 516, из них 15 чел. подследственных. Из 869 осужденных 570 были осуждены Военными трибуналами на оккупированной территории Германии, а 299 — в СССР. См. «Справку об интернированных-мобилизованных группы „Г“ и интернированных-арестованных группы „Б“» по состоянию на 15.07.1950 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1а, оп. 01е, д. 81, л. 123–124).

⁶³ По документам переданными числится 171 654 чел. и еще 1885 чел. — по оперативным данным. Интересно, что по интернированным восточных национальностей число задокументированных репатриантов (6159 чел.) было заметно выше числа учтенных (5012 чел.) (РГВА/ГУПВИ, ф. 1а, оп. 01е, д. 81, л. 146–149).

⁶⁴ РГВА/ГУПВИ, ф. 1а, оп. 01е, д. 81, л. 152–154.

ловской и Минской областях, а также в Хабаровском крае.⁶⁵ Сюда, возможно, было включено и число осужденных военных преступников из числа интернированных — 1605 чел. (в том числе 44 женщины), но не включено число неосужденных интернированных — 707. Подавляющее большинство среди осужденных военных преступников составляли граждане Германии (922 чел.), Японии (377), Польши (102) и Китая (89 чел.), а среди неосужденных интернированных — граждане Германии (529) и Польши (110 чел.)⁶⁶.

За 1951 год количество осужденных интернированных практически не изменилось и составило 2237 чел. Большую часть таких интернированных составляли немцы: 1459 чел. Особенно много их оставалось в лагере № 476 в Свердловской обл. (765 чел.), в лагере № 16 в Хабаровском крае (524 чел.), в лагерном отделении № 2 в Киевской обл. (362 чел.) и в Брестском лаготделении (201 чел.). Кроме того, насчитывалось 1872 военнопленных и интернированных, по тем или иным причинам «задержанным от репатриации»: из них 684 — за осведомленность о дислокации и характере «особых объектов»⁶⁷.

2 апреля 1952 года СМ СССР принял постановление № 1616-576сс «О репатриации из СССР бывших военнопленных и интернированных граждан Германии», затронувшее более 1200 чел., в том числе 109 осужденных военнопленных и интернированных⁶⁸. К 1 октября 1952 года число интернированных сократилось до 1745 чел., большею частью осужденных (1627 чел.). Не-осужденные 118 чел., по-видимому, и являлись вышеупомянутыми «задержанными от репатриации»⁶⁹.

21 августа 1953 года датирована справка, представленная полковником М. Кузнецовым, начальником тюремного управления МВД СССР. В ней сообщалось, что общее число осужденных немцев, содержащихся в советских местах заключения, составляет 19 848 чел.; среди них не только военнопленные (14 128 чел.), но и интернированные (754 чел.) и гражданские лица (4966 чел.). Кроме того, имелось еще 625 чел. **неосужденных** немцев (как военнопленных, так и интернированных), репатриация которых откладывалась на неопределенный срок в связи с их осведомленностью об объектах государственной важности⁷⁰.

Наконец, 30 ноября 1953 года Президиум ЦК КПСС утвердил представленный тт. Горшениным, Кругловым, Руденко и Пушкиным проект постановления ЦК КПСС о досрочном освобождении осужденных советскими судами немецких военнопленных, интернированных и гражданских лиц. Освобождению и репатриации в Германию в месячный срок подлежали 4823 чел. немцев, содержащихся в лагерях на территории СССР (кроме того — 6150 чел., отбывавших свой срок в ГДР)⁷¹.

⁶⁵ РГВА/ГУПВИ, ф. 1а, оп. 01е, д. 97, л. 2–3. Отметим, что другой документ — «Справка о количестве интернированных, содержащихся в лагерях и тюрьмах МВД» по состоянию на 25.01.1950.

⁶⁶ РГВА/ГУПВИ, ф. 1а, оп. 01е, д. 97, л. 63–65.

⁶⁷ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 01е, д. 98, л. 26.

⁶⁸ См. приказ министра МВД генерал-полковника С. Круглова № 00337 от 7.04.1952 (ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 1с, д. 205, т. 17, л. 51–55).

⁶⁹ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 01е, д. 98, л. 76–83.

⁷⁰ См.: Конасов, Терещук, 1994, с. 332, 333, со ссылкой на: АВП, ф. 082, оп. 41, п. 272, д. 28, л. 93.

⁷¹ Выписка № П43/66 заседания Политбюро от 30.11.1953 (АПРФ, ф. 3, оп. 64, д. 805).

Последним официальным документом, по-видимому, стало Постановление СМ № 2284-рс от 19 апреля 1956 года «О репатриации из СССР германских граждан». ⁷² Его текст нами пока не обнаружен, но, возможно, оно проливает свет на судьбу последних 625 немцев, а в их числе около сотни интернированных — даже неосужденных, но имевших несчастье прикоснуться к пресловутым «особым объектам».

Р. С. Интересно, что вследствие юридического казуса мобилизованные немцы в настоящее время не подлежат реабилитации, поскольку она не предусмотрена для лиц, административно-репрессированных **за пределами СССР** («юридическим» же адресом административной репрессии по отношению к ним всякий раз является место, откуда их депортировали) ⁷³.

⁷² См.: РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 37а, д. 4, л. 16.

⁷³ Сообщено К. С. Никишкиным. Исправляющий этот казус законопроект внесен в Думу, но еще не рассмотрен. Тем не менее случаи реабилитации интернированных также известны: так, например, еще в 1988 г. был реабилитирован Й. Келер из Лейпцига, обратившийся в Верховный Совет СССР с индивидуальным запросом (Bis zu 30 000 Deutsche nach Warkuta gezwungen. Überlebende der Lager fordern Wiedergutmachung // Berliner Zeitung, 1990, 12 Juli, s. 2).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ МАСШТАБ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ В СССР

Принудительные миграции практиковались в СССР с 1919–1920 по 1952–1953 гг., то есть на протяжении трети века или почти половины всей исторической жизни Советского Союза, навечно закрепив за ним сомнительные лавры мирового лидера в области депортационных технологий и полученных с их помощью результатов.

Подводя итоги геодемографических последствий принудительных миграций в СССР, просуммируем прежде всего число депортированных граждан.

Масштабы **внутренних депортаций** в СССР, в разрезе выделенных в этой работе периодов, выглядят следующим образом:

Периоды	Число депортированных (тыс. чел.)
1920	45
1930–1931	2050
1932–1934	535
1935–1938	260
1939–1941	395
1941–1942	1200
1943–1944	870
1944–1945	260
1947–1952	400
Итого	6015

Как видим, пики интенсивности внутренних депортаций в СССР приходятся на 1930–1931 и 1941–1942 гг. — периоды, когда СССР фактически находился в состоянии войны: в первом случае — необъявленной гражданской войны с собственным крестьянством, во втором — с внешним агрессором. Это хорошо согласуется и с тезисом о приуроченности принудительных миграций к историческим катаклизмам.

Масштабы **международных** депортаций гражданских лиц в СССР или из СССР передает другая таблица:

Виды и периоды	Число депортированных (тыс. чел.)
<i>Из СССР:</i>	
Остарбайтеры (1941–1944)	3200
<i>В СССР:</i>	
Репатриация (1944–1952)	5460
«Вестарбайтеры» (1945)	300
Итого в СССР	5760
<i>Всего</i>	8960

Угон в Германию («вербовка в Рейх») миллионов советских граждан был самой массовой депортационной акцией гитлеровской Германии. Даже если поставить ее в один ряд с операциями ОГПУ—НКВД 1930-х и 1940-х гг., то и в таком случае она заняла бы первое место по своим масштабам. Однако и по масштабам, и по интенсивности (особенно в 1945 году) ее все же превзошла массовая репатриация советских граждан, принудительный характер которой был предопределен Ялтинскими соглашениями.

Что же касается депортации в СССР «интернированных и мобилизованных» немцев из ряда европейских стран, то можно отметить, что и в условиях совершенно чужой страны органы НКВД чувствовали и вели себя в точности так же, как у себя дома, в СССР: операция была проведена в сжатые сроки и совершенно в том же «стиле», что и высылки «наказанных народов» с Кавказа или из Крыма. Да и руководили ими практически те же самые генералы и маршалы.

Всего за рассмотренный период было депортировано около 15 млн. чел., из них 6 млн. пришлось на внутренние и 9 млн. на внешние (международные) депортации (из них 5,8 млн. на депортации в СССР и 3,2 млн. — депортацию советских граждан за пределы СССР).

Принудительные миграции **такого масштаба** не могли не оказать — и оказали — весьма заметное влияние на всю систему населения бывшего Советского Союза. Резко нарушив или задержав в свое время естественный ход демографического развития этносов, они определенно сказались на макропропорциях расселения страны и способствовали последовательному смещению центра тяжести населения СССР — сначала в северном, а затем в восточном и юго-восточном направлениях.

Вместе с тем практически все депортированные контингенты проявили выдающиеся акклиматизационные способности и сумели приспособиться к новым условиям жизни, найти или создать для себя определенную экономическую нишу и, вопреки статусной дискриминации, дать детям максимально хорошее образование.

Депортации народов, или их насильственное перемещение в пространстве, можно еще определить как их отсутствие у себя на родине и присутствие на чужбине. Конечно же, они имели неизбежные последствия и для остального населения мест выселения и вселения,

формируя, в первом случае, потоки компенсирующих миграций, а во втором — создавая предпосылки для смешанных браков и межнационального трудового общения. И то и другое содержало в себе для отдаленного будущего определенный конфликтный потенциал.

Некоторые народы, которых депортации не коснулись напрямую, оказались затронуты ими косвенно, или **компенсационно**: русские, грузины, осетины, кабардинцы, аварцы, лакцы и др., были переселены, часто вопреки собственной воле, на оставленные без присмотра земли. Это было по-своему закономерно, так как в ареалах расселения депортированных этносов неизбежно образовывался хозяйственный вакуум. Если выявленное нами для ряда случаев соотношение депортированного и компенсационно переселенного населения (пять к двум) распространить на всех депортированных, то мы получим еще 2,4 млн. чел.! В то же время не случайно, что именно в ареалах прежнего проживания депортированных народов (например, в Саратовской и Крымской обл.) в начале 1950-х гг. был зафиксирован наибольший механический отток населения.

Принудительные миграции привели к образованию «внутренних диаспор» практически у каждого репрессированного народа (по типу «родина» — «место изгнания»). С распадом СССР и образованием на его месте 15 независимых стран эти «внутренние диаспоры» неожиданно приобрели официальный международный статус, что имело для этих народов как отрицательные, так и положительные стороны.

Сегодня уже всем очевидно, что уход от взвешенных и исторически оправданных решений чреват самыми серьезными последствиями как экономического, так и политического свойства. В этой связи отметим два радикальных изменения даже в самой этнической структуре послевоенного советского и постсоветского общества. Это — резкое и повсеместное сокращение еврейского и немецкого населения СССР вследствие гитлеровского геноцида, сталинских депортаций и массовой эмиграции обоих народов, особенно в 1990-х гг.

Основную ответственность за многократное сокращение численности евреев в СССР несет нацистская Германия, осуществлявшая по отношению к ним на оккупированной территории СССР режим геноцида, неотъемлемой частью которого была и депортационная политика. Наряду с акциями по уничтожению евреев в местах их проживания, широко практиковалось их насильственное перемещение в другие районы — чаще всего в концентрационные лагеря и так называемые «лагеря уничтожения» (где технология убийства была предельно рационализирована), но иногда и в другие, как правило, более крупные «гетто», чаще служившие не более чем промежуточной станцией на пути в те же лагеря. В первую очередь истребляли женщин, стариков, детей и больных мужчин: шансы работоспособных мужчин на выживание были несколько выше.

Если создание государства Израиль в 1948 году понимать как реакцию послевоенного мирового сообщества на Холокост, то и процесс эмиграции еврейского населения из СССР (а в последнее десятилетие и из России) является косвенным последствием этой исторической катастрофы, и уже во вторую очередь — реакцией, хотя и прямой, на государственный антисемитизм советского режима, подозреваемого, применительно к евреям, и в непосредственных депортационных намерениях в 1953 году.¹

¹ В силу отсутствия на сегодня прямой документации об этих планах о степени основательности этих «подозрений» мы здесь судить или рассуждать не беремся.

Другой этнос, численность которого за годы существования СССР резко сократилась — это немцы. Отсутствие своевременного и удовлетворительного решения проблемы немецкой автономии привело к тому, что бывшее советско-немецкое население, униженное и депортацией и не-реабилитацией, склонилось на путь массовой немецкой эмиграции из России и стран Центральной Азии. Для каждой из этих стран массовый отъезд немецкого населения имеет большое отрицательное значение, но сдержать его не удастся и уже вряд ли удастся.

Насильственные миграции 1920-х гг., затронувшие лишь немногие десятки тысяч людей, имели в целом незначительное геодемографическое и экономические влияние. Их значение, скорее, в другом: это были своего рода «пробы пера» — первые экспериментальные попытки репрессивных депортаций, давшие необходимый опыт (в том числе и «технологический»), в последующем широко использованный при проведении настоящего массовых операций.

Первая из них, раскулачивание и коллективизация, принесла искомый социально-политический результат (выведение за рамки социума кулаков и части середняков как политически нежелательной группы). Но она имела и другие последствия, прямым образом к самому политическому «заказу» отношения не имевшие и, быть может, даже нежелательные для самого государства. Важнейшим из них — если только не «демонизировать» сталинский режим: в противном случае и это предусматривалось и заказывалось! — является, безусловно, голодомор 1932–1933 гг., непосредственное следствие коллективизации. «Кулацкая ссылка» — это еще и радикальное сокращение числа «едеков» в сельской местности Украины, Северного Кавказа, Поволжья и других регионов, но это лишь немного смягчило страшный удар, отнявший у села новые миллионы фертильных женщин.

Города и новостройки (то есть будущие города) стали спасением, гарантией выживания — в обмен за почти каторжный и почти бесплатный труд — для многих вчерашних крестьян. Процент городского населения выросал чуть ли не ежемесячно — вот вам и ключ к «семимильным шагам» первых советских пятилеток, вот вам разгадка урбанизации и индустриализации по-советски — урбанизации в лаптях и индустриализации с тачками и лопатами.

Частью этого механизма был и массовый «уход» (а точнее, «бегство») в города и тех крестьян, кто не желал подвергать себя и свои семьи риску экспроприации и ссылки, — так называемых «недораскулаченных». Вот вам еще один своеобразный вклад советской депортационной политики в построение нового социалистического общества. А сам масштаб и изначальная бесконтрольность этого «построения» подтолкнули власти в 1932 году к введению паспортов и началу паспортизации хотя бы городского населения.

Но и сама по себе «кулацкая ссылка», взятая отдельно, как массовая подвижка сельского населения, имела колоссальное значение для расселения и ярко выраженную географическую составляющую. На качественном уровне очевидно, что в 1930 году центр сельского населения СССР сместился на север, а в 1931 году — на северо-запад. Более

затруднительно было бы высказаться о географическом векторе «дораскулачивания» в 1933–1935 гг.

Во второй половине 1930-х гг. началось сознательное и целенаправленное сокращение населения (а в отдельных случаях — и обезлюдение) приграничных территорий, в частности на юге Дальнего Востока (корейцы) и вдоль южных и, особенно, западных границ СССР. Глубина полосы, освобождаемой от социально опасного (и, в подавляющем большинстве, сельского) населения, варьировала от 800 м до 100 км. Впрочем, западные границы и сами имели в 1939–1940 гг. тенденцию к перемещению на запад, в глубь Восточной Европы, так что, соответственно, всю эту работу приходилось периодически повторять. Самих же выслаемых направляли в противоположном, азиатском, направлении: особенной «популярностью» пользовались в те годы Казахстан и Западная Сибирь (знаменитый Нарым).

«Привязанность» к Казахстану сохранилась и в 1941 году, когда проводилась массовая превентивная депортация немецкого и финского населения из Поволжья, Крыма, Северного Кавказа, Закавказья и Кольского полуострова. Однако в целом ареал вселения миллионного контингента советских немцев был гораздо шире и включал в себя также Киргизию, Западную и, отчасти, Восточную Сибирь. Из народов, депортированных в 1943–1944 гг., Сибирь была предуготована и калмыкам, тогда как четыре северокавказских народа были рассредоточены, в основном, между Киргизией и тем же Казахстаном. В то же время крымских татар, а вслед за ними и турок-месхетинцев, разместили преимущественно в Узбекистане.

В этой связи не вызывает сомнения сдвиг наличного населения СССР на восток в годы войны, но количественно определить его интенсивность практически невозможно. Тем более что в том же направлении «действовали» и другие факторы и процессы, в частности массовая эвакуация гражданского населения на восток и на юго-восток. В целом же за военные годы именно по этим азимутам произошел — и заметный — сдвиг центра населенности СССР.

Впервые в истории насильственных миграций в СССР они привели к столь ощутимому количественному сокращению населения оставленных территорий, а порою — к их частичному (точнее, временному) обезлюдению. Во многих случаях это носило необратимый, или, точнее, малообратимый характер, поскольку заселявшихся на освободившихся землях «добровольцев» было, как правило, в среднем в 2,5 раза меньше, чем самих выселенных, что вызывало новые волны «волонтеров», правдами и неправдами вербовавшихся для этих компенсационных миграций (а многие из тех, кто все-таки туда приехали, имели твердое намерение при первой же возможности оттуда уехать).

В регионах прибытия спецпоселенцы нередко составляли весьма значительную часть населения. Во многих областях той же Средней Азии или Казахстана немцы, а в отдельных случаях и представители других «наказанных народов» занимали по своей численности третье, а то и второе места в региональных этнических структурах. Происходило интенсивное этническое перемешивание прибывших спецпоселенцев с коренным населением, в том числе и в результате смешанных браков. Со временем среди спецпоселенцев неуклонно росла доля проживающих в городах, начался процесс формирования национальной интеллигенции и элиты.

Если в масштабе СССР крупнейшими (по состоянию на 1989 год) репрессированными народами являлись немцы, чеченцы, корейцы, крымские татары и ингуши, то в масштабе Российской Федерации — список и последовательность иные: чеченцы, немцы, ингуши, калмыки и карачаевцы (при этом, напомним, численность немецкого населения стремительно сокращается).

И, в заключение, еще об одном аспекте принудительных миграций.

Чем они являлись для самих депортированных — понятно. В самом лучшем случае — катастрофой, выпадением из жизненного круга, для которого их отцы и они сами себя готовили, крахом надежд, тоской и разлукой с горячо любимыми родными местами.

Но может быть, вся эта игра государства с человеческими жизнями — хотя бы экономически — «стоила свеч»? Разве не руками заключенных и спецпереселенцев построены Магнитка, Кузбасс, Комсомольск-на-Амуре, метро в Москве, тысячи километров железных дорог, разве не ими добыты миллионы кубометров леса, тонны золота и т. д.? Разве не на их «плановом» труде основывалась индустриальная мощь первого в мире государства диктатуры пролетариата? Каков был экономический и социальный эффект всех этих мероприятий по выкорчевыванию, перевозке и высаживанию на новом месте миллионов семей? Какова была экономическая цена тех производственных задач, что были решены с помощью принудительного труда миллионов принудительно переселенных и политически ущемленных граждан?

Ни один из известных нам литературных или архивных источников не подтверждает изредка встречавшиеся бодрые самооценки чекистских хозяйственников о превосходстве подневольного, но хорошо организованного труда — над трудом свободным. Это, выражаясь понятным им языком, **туфта**. Если на труде депортированных и базировалась чья-то экономическая выгода, то никак не государства, а самого НКВД, действительно стремительно выдвинувшегося за 1930-е гг. в число крупнейших в стране субъектов хозяйствования.

Для государства же в макроэкономическом плане депортации были убыточными, поскольку выбивали из жизни или из трудового цикла миллионы обустроенных, трудовых семей, приводили к запустению земель и селений, к утрате трудовых навыков и традиций, к спаду сельскохозяйственного и промышленного производства, а также к затратам на переезд, обустройство, вторичное обустройство на месте и т. д., и т. п. Потеря миллионов граждан во время голода и связанные с депортациями иные нарушения демографического развития создали для государства серьезнейшие дополнительные трудности в годы Великой Отечественной войны, в том числе и в мобилизационном аспекте.

Пространственная же обширность Советского Союза, со своей стороны, лишь только усугубляла всю эту нерациональность и усиливала неэффективность принудительного труда депортированных людей.